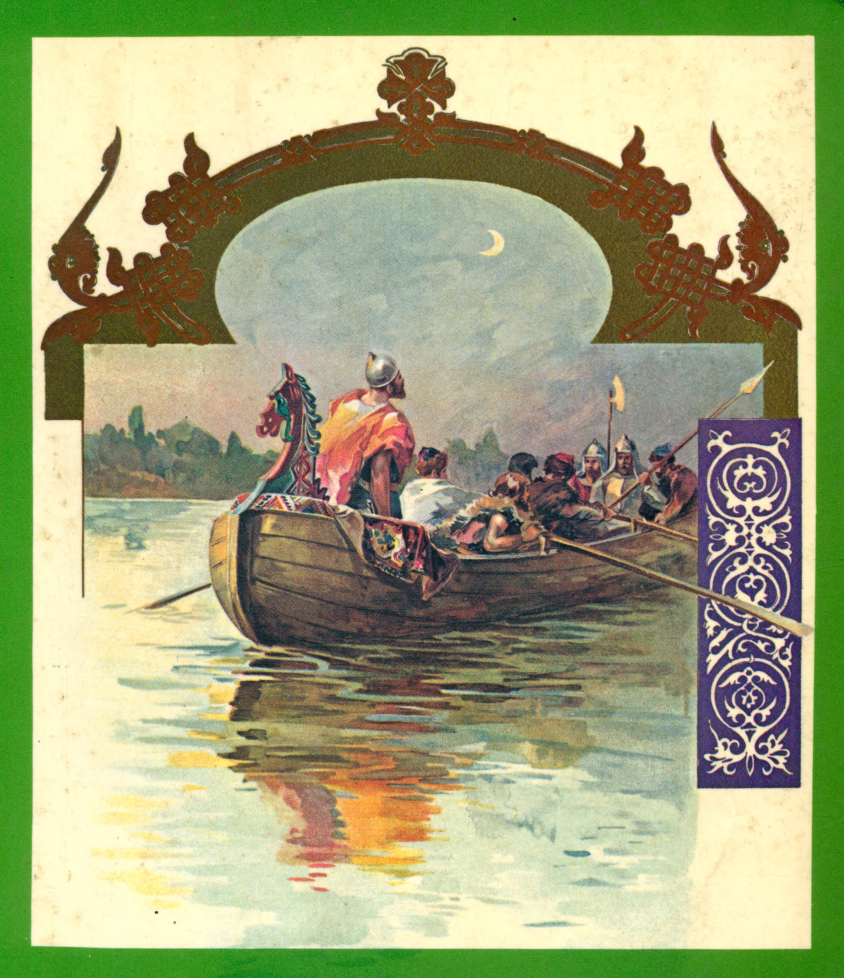

АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ

МЕНШИКОВЪ.

сочинение

П. Р. ФУРМАНА.

АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ

МЕНШИКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

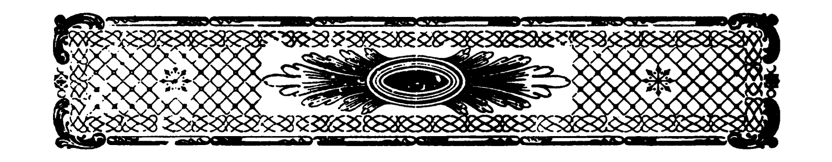
П. Р. ФУРМАНА.

Съ портретами и картинами.

Переиздано Комитетомъ

Русской Православной Молодежи Заграницей

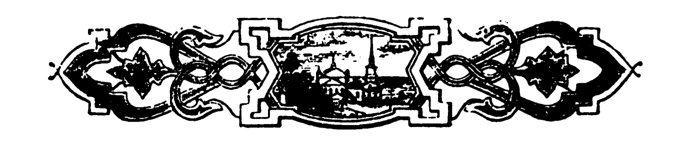
Printed in Taiwan

Отъ Издателя.

Покойный авторъ этихъ разсказовъ Петръ Романовичъ Фурманъ извѣстенъ въ нашей литературѣ нѣсколькими историческими біографіями, которыя написаны имъ для дѣтей и отличаются своею простотою и живостью.

Это не ученыя историческія изслѣдованія, а передача событій, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ какой-либо извѣстный дѣятель. Авторъ имѣлъ въ виду посредствомъ примѣра возбудить въ читателяхъ добрыя и патріотическія чувства.

Фурман
Историческ
библіоте
В. Прокоф
1910
А. Д. Меншиковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Отъ издателя.

Портреты и картины XIII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Счастіе и заслуги.

Глава I Пѣсни пирожника 1
» II. Первый шагъ 10
» III. Заговорщики 20
» IV. Счастливая мысль 29
» V. Хитрость Меншикова 36
» VI. Неустрашимость Петра 50
» VII. Заслуги Меншикова и блистательное повышеніе его 60
» VIII. Мать и сынъ 71

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Честолюбіе и Корыстолюбіе.

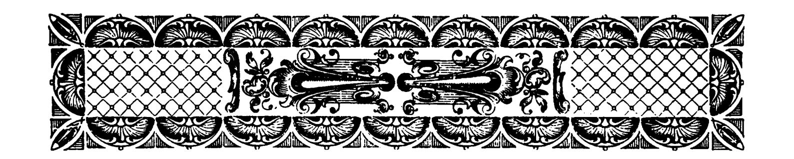
Глава IX. Избытокъ счастія 85
» X. Милостивъ судъ царя. 93
» XI. Еще судъ 102
» XII. Ненасытное корыстолюбіе 109
» XIII. Смерть Петра 121
» XIV. Хорошая и дурная сторона 129
» XV. Первая немилость 135

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Несчастіе и искупленіе.

			Стр
Глава	XVI.	Изгнаніе	145
»	XVII.	Выѣздъ изъ столицы	151
»	XVIII.	Ссылка	156
»	XIX.	Вѣрный слуга	162
»	XX.	Новыя страданія	171
»	XXI.	Сѣверное сіяніе	178
»	XXII.	Слѣпая	184
»	XXIII.	Послѣднее пристанище	191

Портреты и картины.

---

1. Александръ Даниловичъ Меншиковъ.
2. Московская улица въ XVIII столѣтіи.
3. Стрѣльцы рядовые.
4 Стрѣльцы начальники.
5. Императоръ Петръ Великій.
6. Домъ князя Меншикова въ С.-Петербургѣ, въ XVIII столѣтіи.
7. Петръ Великій спасаетъ утопающихъ на Лахтѣ.
8. Императрица Екатерина I.
9. Императоръ Петръ II.
10. Княжна А. М. Меншикова.
11. Памятникъ на могилѣ М. Д. Меншиковой.
12. Видъ города Березова въ XVIII столѣтіи.
13. Соборъ въ Березовѣ.
14. Меншиковъ въ Березовѣ.
15. Гербъ Меншикова.
16. Адмиралъ Лефортъ.

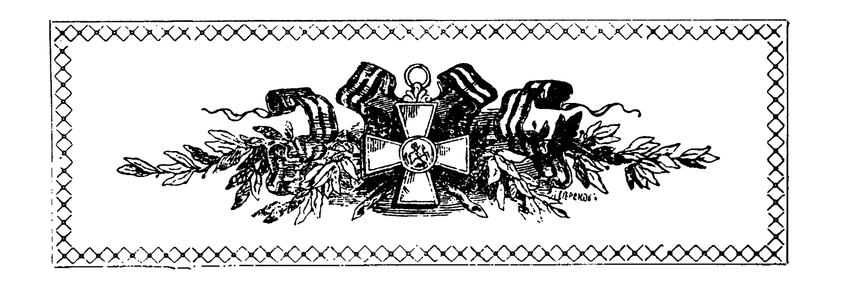
Александръ Даниловичъ
МЕНШИКОВЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Соч. П. Р. Фурмана

А. Д. МЕНШИКОВЪ.

ГЛАВА I.

Пѣсни пирожника.

Пироги горячи, горячи! Купите, братцы, пирожковъ! Только что изъ печи! кричалъ молодой парень лѣтъ двѣнадцати, но видный и рослый не по лѣтамъ, подходя съ лоткомъ къ стрѣлецкой стражѣ, охранявшей входъ въ Кремль.

— А, Саша! Давно я тебя не видалъ, весело закричалъ одинъ изъ стрѣльцовъ, завидя молодаго пирожника.—Ну что, братъ, у тебя хорошаго?

— Да чему быть у меня хорошому, какъ не пирожкамъ! Купи, братъ; пальчики оближешь! отвѣчалъ молодой пирожникъ.

— Было бы на что купить, сказалъ дру-

гой стрѣлецъ. Нынче. братъ, времена плохія, не до пирожковъ!

— Ну, какъ знаете, а пирожки славные! сказалъ пирожникъ и хотѣлъ уже идти дальше, какъ одинъ изъ стрѣльцовъ закричалъ ему въ слѣдъ:

— Куда же ты, Саша! Побудь съ нами, да потѣшь хоть пѣсенкою.

— Некогда мнѣ! отвѣчалъ молодой парень.

— Вѣдь тебѣ все равно; тутъ прохожихъ много; какъ разъ набѣжитъ покупщикъ, сказалъ стрѣлецъ.

— Спой, голубчикъ, спой пѣсенку! стали просить нѣсколько стрѣльцовъ.

— Ну, ужъ такъ и быть! отвѣчалъ пирожникъ:—да смотрите, слушайте въ оба. Гм!

Молодой пирожникъ крякнулъ, какъ бы прочищая голосъ, и запѣлъ:

Эй честные господа,
Торопитесь-ка сюда:
Прибауточекъ послушать,
Пирожковъ моихъ покушать!
Есть съ разсыпчатой крупой,
Есть съ малиной медовой:
Пышны словно подъ фатой
Горожанки молодой...
Не доскажемъ мы словечка...

Кто уменъ, тотъ самъ смекнетъ!
Лишь отвѣдай—заберетъ
Пирожокъ мой за сердечко.

— Господинъ честнóй, пирожковъ, блиночковъ не угодно ли? сказалъ онъ, скоро подскочивъ къ проходившему купцу.

Послѣдній улыбнулся, взглянувъ на пріятное лицо молодаго парня, и взялъ у него нѣсколько пирожковъ. Саша приподнялъ шапку, воротился къ стрѣльцамъ и продолжалъ пѣть

Разбирайте же скорѣй,
Покупайте тароватѣй
Набивайте ротъ плотнѣй:
Заживете побогатѣй.
Кто ихъ больше возьметъ,
Тотъ, посмотришь, махнетъ
Изъ подъячихъ въ дьяки,
Къ богачу въ свояки;
Сынъ боярскій заразъ
Будетъ знатенъ, какъ князь;
А стрѣльцы,
Молодцы!
Ой, люли, припѣвай,
Да на усъ свой мотай...
Не съ большимъ черезъ годъ
Смѣнятъ всѣхъ воеводъ.
Что-жъ дѣвицамъ сулить?

Имъ лишь стоитъ купить
У меня пирожковъ;
Поглядятъ: женишковъ,
Соколовъ молодыхъ,
Щеголей удалыхъ,
Отыщу всѣмъ на славу,
На добро на, забаву!

Въ это время нѣсколько человѣкъ подошли къ пирожнику и стали у него разбирать его товаръ. Молодой парень скоро и съ ловкостью угождалъ всѣмъ.

Затѣмъ, распрощавшись со стражей, молодой пирожникъ пошелъ далѣе и нечаянно наткнулся на двухъ шедшихъ къ нему навстрѣчу стрѣльцовъ, которые пробирались нетвердыми шагами, отъ излишняго употребленія вина.

— Что ты толкаешься, мальчишка! сердито сказалъ одинъ изъ стрѣльцовъ, замахнувшись на Сашу, но, замѣтивъ у него лотокъ, опустилъ руку и спросилъ:—Что тамъ у тебя на лоткѣ? Пироги что ли? хорошее дѣло!

— Попотчуй-ка насъ любезный! сказалъ другой стрѣлецъ.

— Изволь, братъ, попотчую, коли деньги есть, отвѣчалъ Саша.

— На что тебѣ деньги, возразилъ стрѣлецъ, покачиваясь:—нéчто ты не видишь, кто мы такіе? ты долженъ угощать насъ даромъ?

— Радъ бы, да товаръ-то не мой, хозяйскій!—отвѣчалъ пирожникъ.

— Э! что намъ за дѣло до твоего хозяина, подавай-ка сюда безъ разговоровъ!—сказалъ стрѣлецъ, схватившись за лотокъ.

Молодой пирожникъ испугался, попятился назадъ, и хотѣлъ уже бѣжать, какъ другой стрѣлецъ схватилъ его за воротникъ. Не миновать бы пирожкамъ хищныхъ рукъ, еслибъ въ то же время въ умѣ мальчика не мелькнула счастливая мысль.

— Не троньте!—закричалъ онъ бойко:—я несу эти пирожки во дворецъ царевичу Петру Алексѣевичу!

Стрѣльцы остановились, но не надолго. Принадлежа къ буйнымъ людямъ, производившимъ въ то время столько безпорядковъ и державшихся стороны царевны Софіи Алексѣевны, покровительствовавшей имъ, они снова напали на лотокъ, осыпая грубостями пирожника.

Тщетно защищался онъ; уже два или три пирожка попались въ руки стрѣльцовъ,

какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ громкій и грозный голосъ произнесъ:

— Что вы тутъ дѣлаете?

Стрѣльцы вздрогнули, оглянулись и, увидавъ офицера въ блестящемъ мундирѣ, оставили пирожника и пустились бѣжать со всѣхъ ногъ.

Пока мальчикъ, раскраснѣвшійся и запыхавшійся отъ борьбы, приводилъ въ порядокъ свои пирожки, къ нему подошелъ офицеръ и спросилъ:

— Тебя обижали стрѣльцы?

— Да,—отвѣчалъ пирожникъ, не поднимая глазъ съ лотка;—отняли три пирожка! Что мнѣ сказать хозяину?

— Я слышалъ издали, какъ ты говорилъ имъ, что несешь эти пирожки царевичу Петру Алексѣевичу?—спросилъ опять офицеръ.

— Это я только такъ выдумалъ, чтобы отбояриться отъ этихъ молодцовъ,—отвѣчалъ мальчикъ стыдливо:—станетъ ли царевичъ ѣсть мои пирожки? Я, чай, у него и своихъ довольно!

— Зачѣмъ же ты сказалъ,—продолжалъ

спрашивать офицеръ,—что несешь пирожки царевичу Петру, а не Іоанну?

Мальчикъ поднялъ глаза, съ изумленіемъ посмотрѣлъ на офицера и, увидѣвъ блестящій мундиръ его, почтительно снялъ шапку и отвѣчалъ:

— Зачѣмъ? Да я и самъ не знаю, господинъ честной! такъ съ языка сорвалось.

— Полно, такъ ли?—спросилъ офицеръ, улыбаясь.

Замѣтивъ благосклонную улыбку знатнаго боярина, мальчикъ продолжалъ смѣлѣе:

— Да и то правду сказать, господинъ честной, что добрые люди какъ-то больше надѣются на Петра Алексѣевича, а злые больше боятся его. Не знаю, добрый ли я человѣкъ, а у меня вотъ-такъ сердце и просится вонъ, какъ взгляну на надежу нашего, царевича Петра!

— Развѣ ты видалъ его?

— Не видалъ бы, такъ и не говорилъ бы!..—отвѣчалъ пирожникъ:—что это за красавчикъ! Я почасту бѣгивалъ въ Преображенское и чуть съ ума не сошелъ, глядя на ученье Петра Алексѣевича со своими Потѣшными! Какъ они проворно выкидываютъ мушкето-

нами, поворачиваются во всѣ стороны, словно пухъ по вѣтру, палятъ изъ сотней пищалей, какъ изъ одной, а какъ пойдутъ стѣною въ штыки, то земля дрожитъ; кажись, ничто не устоитъ отъ русской груди; цѣлую башню своротятъ... А Петръ-то Алексѣевичъ летаетъ впереди своихъ соколовъ, словно орелъ поднебесный!..

Офицеръ съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ молодого парня, говорившаго съ одушевленіемъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ наконецъ.

— Александромъ Меншиковымъ.

— Есть у тебя родные?

— Одна мать.

— Чѣмъ ты занимаешься?

— Какъ видишь, господинъ честной, хожу отъ хозяина съ пирожками. Купи, господинъ честной, отвѣдай пирожка, можетъ и понравится.

— Нѣтъ, спасибо, мнѣ теперь некогда; но въ другой разъ я охотно отвѣдаю твоихъ пирожковъ,—сказалъ офицеръ, улыбаясь.— Скажи мнѣ, знаешь ли ты Лефорта?

— Видать не видалъ, а много слыхалъ

Генералъ-Адмиралъ

Францъ Яковлевичъ Лефортъ

Любимецъ и наставникъ Петра Великаго

Род. 1 окт. 1654 г. умеръ 1 марта 1699 г.

про него,—отвѣчалъ пирожникъ;—кажись онъ полковникомъ Потѣшныхъ?

— Точно. Одѣнься завтра утромъ почище, да приходи во дворецъ.

— Во дворецъ!—повторилъ почти съ испугомъ пирожникъ.

— Чего же ты испугался? Приходи во дворецъ и спроси Лефорта.

— Слушаю, господинъ честной.

— Такъ до свиданія. Я непремѣнно жду тебя,—сказалъ офицеръ; потомъ прибавилъ:— люби и почитай всегда Петра Алексѣевича; въ немъ русскіе должны полагать теперь всю свою надежду.

Съ этими словами офицеръ удалился.

Пирожникъ смотрѣлъ ему нѣсколько времени въ слѣдъ съ изумленіемъ; потомъ бойко надѣлъ шапку на бекрень, и какъ бы предугадывая или предчувствуя счастливыя послѣдствія этой встрѣчи, запѣлъ громче и веселѣе прежняго:

Эй, честные господа!
Торопитесь-ка сюда.
Прибауточекъ послушать,
Пирожковъ моихъ покушать!
Есть съ малиной медовой!

ГЛАВА II.

Первый шагъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ разсказаннаго нами происшествія; 1686 годъ клонился къ концу.

Въ одной изъ отдаленныхъ частей Москвы, въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, покачнувшемся нѣсколько на бокъ отъ старости, свѣтилъ огонекъ сквозь тусклыя стекла окна, подернутаго толстымъ слоемъ льда.

Не смотря на то, что было еще не очень поздно, мирные жители этой отдаленной части города уже покоились сномъ, и нигдѣ, кромѣ домика, о которомъ я упоминалъ, не видно было огня.

И на улицѣ все было тихо. Ясная луна серебрила крыши домовъ, отъ которыхъ ло-

жились длинныя, синеватыя, неподвижныя тѣни на улицу.

Ночная тишина только изрѣдка была прерываема скрипомъ калитки у воротъ деревяннаго домика. Калитка растворялась; на порогъ ея выходила женщина, долго, долго смотрѣла она въ одну сторону улицы, конецъ которой терялся въ синеватомъ туманѣ, потомъ, вздохнувъ изъ глубины души, медленно запирала калитку и исчезала; но не надолго. Проходило нѣсколько минутъ и она опять выходила и смотрѣла вдаль.

Вдругъ чуткое, внимательное ухо ея услышало вдали легкій шумъ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ чьими-то ногами. Сердце женщины сильно забилось... она смотритъ, ждетъ и вотъ глаза ея различили въ туманѣ приближавшагося человѣка.

Съ трудомъ удержавъ крикъ радости, женщина выскочила на улицу и скорыми шагами пошла навстрѣчу приближавшемуся.

— Сынъ мой! Мой Саша!—вскричала она, бросаясь къ нему на шею!—какъ долго я тебя ждала!

— Матушка!—отвѣчалъ молодой человѣкъ, цѣлуя мать въ щеки:—милая матушка!.. Ахъ,

Боже мой, да какъ ты легко одѣта... пойдемъ, пойдемъ скорѣе, ты можешь простудиться!

Но она не чувствовала холода... вѣдь она была мать!.. Мать, давно невидавшаяся съ единственнымъ, возлюбленнымъ сыномъ, ожидавшая его со всѣмъ нетерпѣніемъ материнской любви и, наконецъ, свидѣвшаяся съ нимъ!

Какое чувство, какая привязанность можетъ сравниться съ материнскою любовью?.. Знаете ли вы, милые читатели, сколько заботъ, страданій, горестей стоили вы вашимъ родителямъ? Помните ли вы нѣжныя попеченія, ангельскую заботливость, съ которою ухаживала за вами маменька?

Поняли ли вы тѣ страданія, которыя терзали ее, не давая покоя ни днемъ, ни ночью, когда вы были больны и маменька не отходила отъ вашей кроватки? Угадывали ли вы горесть, которую ваша маменька умѣла скрыть, но которую тѣмъ живѣе ощущала, когда вы дурными поступками или неповиновеніемъ платили за нѣжныя попеченія ея?..

Повѣрьте, милыя дѣти, что тому, кто не

старается заплатить своимъ родителямъ любовью за любовь, добрыми поступками за попеченія, тому не можетъ быть счастія на землѣ!..

Женщина, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшая своего сына, была Наталья Меншикова, мать молодого пирожника, съ которымъ мы уже познакомились; а тотъ, кого она ожидала, былъ сынъ ея Александръ.

Нѣсколько минутъ спустя мать и сынъ вошли въ свѣтлицу, бѣдно, но опрятно убранную, въ которой предъ иконами теплилась лампада.

Наталья сама сняла съ сына красивую шубу, усадила его на скамью, еще разъ обняла, поцѣловала и съ любовью смотрѣла ему въ глаза.

На молодомъ человѣкѣ было красивое платье. Это уже не былъ прежній пирожникъ.

Послѣ встрѣчи съ Лефортомъ, другомъ и наставникомъ царевича Петра Алексѣевича, Александръ явился на другой день во дворецъ. Лефортъ принялъ его, долго говорилъ съ нимъ, и, убѣдившись изъ остроумныхъ отвѣтовъ его, что онъ можетъ быть съ пользою употребленъ для лучшей должности,

освѣдомился объ немъ у хозяина, у котораго служилъ молодой пирожникъ; хозяинъ не могъ нахвалиться его честностью, вѣрностью и дѣятельностью; тогда Лефортъ предложилъ Александру вступить къ нему въ услуженіе, на что послѣдній согласился съ радостью.

— Что же ты дѣлалъ, мой голубчикъ?— говорила добрая мать сыну:—разскажи мнѣ все, успокой мое материнское сердце. Вотъ, кажись, ужъ три съ лишнимъ недѣли, какъ я не видала тебя...

— Всего только двѣ, милая матушка,— отвѣчалъ сынъ:—я и радъ бы ходить къ вамъ каждый день, такъ сердце само и просится сюда, да нельзя... Дѣла много!

— Повѣрю, мой родной, повѣрю!.. Ты немножко похудѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ не видались... Ужъ не тяжко ли тебѣ, дружочекъ?

— Правда, иногда приходится и тяжко, да что дѣлать! Это не прежнее мое житье! Бывало, ходишь по улицамъ, распѣваешь пѣсенки, и горя мало! Зато теперь сколько почету! Полюбуйся хоть моимъ кафтаномъ: смотри, какое на немъ богатое шитье, а пуговицы словно жаръ горятъ! Я нарочно при-

нарядился сегодня, чтобы показаться тебѣ, моя дорогая!

И глаза молодого человѣка сверкали; въ нихъ уже виденъ былъ зародышъ честолюбія.

Добрая мать смотрѣла сначала только на своего милаго сына и не замѣтила даже богатаго платья его; но теперь, когда онъ самъ указалъ ей на него, она съ изумленіемъ всплеснула руками.

— Ахти, свѣты!..—вскричала она:—да и впрямь какой ты нарядный!..—Что же изъ тебя сдѣлали? Чѣмъ тебя пожаловали?

Молодой чоловѣкъ гордо поднялъ голову.

— Меня записали въ роту Потѣшныхъ!—отвѣчалъ онъ.

— Въ роту Потѣшныхъ!—повторила мать съ большимъ еще изумленіемъ:—да вѣдь туда принимаютъ однихъ дворянъ, какъ я слышала?

— Государь мой Петръ Алексѣевичъ отличилъ меня своею милостію,—отвѣчалъ Алеѣксандръ съ гордостью.

— Разскажи же мнѣ, голубчикъ, какъ это было,—сказала мать, садясь ближе къ сыну.

— Тебѣ извѣстно, милая матушка,—отвѣчалъ Александръ,—что я былъ въ услуженіи

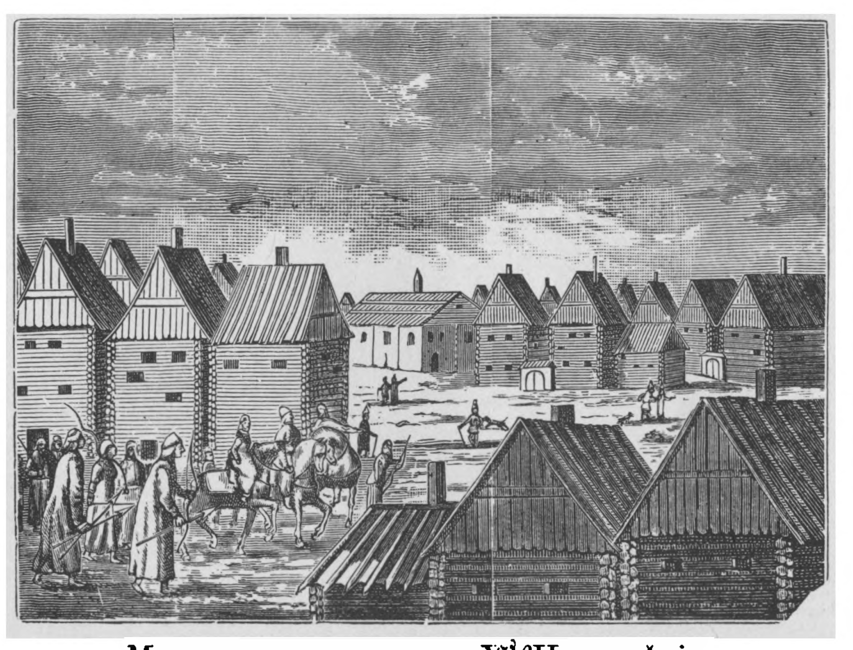
у г. Лефорта. Государь Петръ Алексѣевичъ часто приходилъ въ гости къ своему любимому наставнику и всегда смотрѣлъ на меня милостиво, какъ-бы угадывая, какъ сильно и искренно я люблю его. Однажды пришелъ Петръ Алексѣевичъ въ отсутствіе моего господина. Когда я доложилъ Государю, что г. Лефорта нѣтъ дома, такъ онъ объявилъ, что будетъ ждать, и, подозвавъ меня, сталъ милостиво со мною разговаривать.

— Самъ Государь Петръ Алексѣевичъ сталъ разговаривать съ тобою?..—вскричала мать съ восторгомъ.

— Да, милая матушка, онъ самъ: сначала у меня сердце вотъ-такъ и сжалось; съ большимъ трудомъ могъ я отвѣчать на его вопросы; но потомъ мало-по-малу милостивое обращеніе его ободрило меня. Я сталъ говорить смѣлѣе. Послѣ довольно продолжительнаго разговора, наша надежа спросилъ меня:—Хочешь поступить ко мнѣ на службу?— Я сначала такъ обрадовался, что хотѣлъ уже броситься къ нему въ ноги, но опомнился и отказалъ.

— Ты отказалъ!

— Могъ ли я поступить иначе? Я всѣмъ

Московская улица въ XVII столѣтіи.

обязанъ своему первому господину: онъ первый обратилъ на меня милостивое вниманіе; слѣдственно ему принадлежитъ вся жизнь моя, ему я долженъ служить до тѣхъ поръ, пока силъ моихъ станетъ, или пока онъ самъ не отвергнетъ моей службы. Я такъ сказалъ Петру Алексѣевичу.

— Что же онъ?

— Сперва нѣсколько нахмурился.

— Ахъ, Боже мой!

— Потомъ улыбнулся, потрепалъ меня по плечу и сказалъ:—Признательность есть вѣрный признакъ доброй души. Но скажи мнѣ откровенно, желалъ ли бы ты служить у меня?—Я отвѣчалъ, что мысль о такой высокой чести никогда не приходила мнѣ въ голову, но что я былъ бы радъ отдать за него жизнь свою. Тогда Государь нашъ всталъ и сказалъ:—Хорошо, я поговорю съ Лефортомъ, можетъ быть, онъ и уступитъ мнѣ тебя.

— Экой милостивый, подумаешь! произнесла Наталья со слезами на глазахъ:—не даромъ же всѣ любятъ его!.. Ну, что же дальше?

— На другой же день я поступилъ камердинеромъ къ молодому государю, отвѣчалъ Александръ.

— Поступилъ! радостно вскричала мать: стало быть ты служишь у него теперь?

— У него, милая матушка, отвѣчалъ Александръ:—и если-бъ ты знала, какъ онъ милостивъ со мною!.. Я неотлучно нахожусь при немъ и иногда задумываюсь, не умѣя объяснить себѣ, чѣмъ я заслужилъ такое счастье?.. По утрамъ меня учатъ грамотѣ и разнымъ наукамъ, за которыя я принялся ревностно и усердно, чтобы доказать хоть этимъ признательность къ своему благодѣтелю...

— О, да сохранитъ его Господь, да возвратитъ ему сторицею всѣ его благодѣянія! съ чувствомъ произнесла Наталья.

— Я пришелъ къ тебѣ сегодня не съ пустыми руками, милая матушка, сказалъ Александръ.—Я бережно копилъ каждую копѣйку, чтобы доставить тебѣ удовольствіе.

Съ этими словами Александръ осторожно вынулъ изъ кармана кожаный кошелекъ, несогласовавшійся съ его богатымъ костюмомъ, и, медленно развязавъ его, высыпалъ на столъ порядочную кучу денегъ.

Странное дѣло! Александръ не былъ скупъ, не смотря на то, видъ денегъ произ-

водилъ на него чудное впечатлѣніе. Глаза его разгорались, руки слегка дрожали и ему какъ бы жаль было разстаться съ деньгами. Отъ того ли это происходило, что, проведя все дѣтство въ большой бѣдности, онъ рано постигъ цѣну денегъ, или же былъ въ немъ зародышъ большого порока—корыстолюбія?

Александръ сосчиталъ деньги, бережно уложилъ ихъ по кучкамъ и отдалъ матери, спрятавъ обратно къ себѣ въ карманъ кожаный кошелекъ.

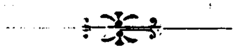
Наталья благодарила со слезами радости на глазахъ.

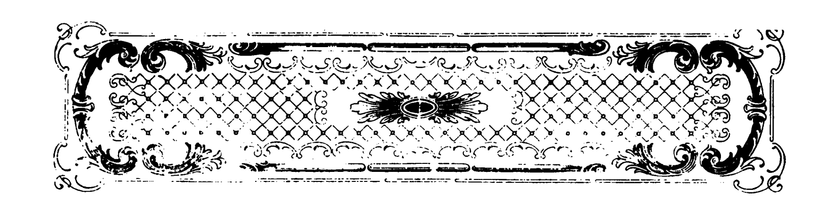
Мать и сынъ побесѣдовали еще нѣсколько времени. Александръ нѣсколько разъ собирался домой. Наталья все удерживала его; но, наконецъ, надобно было разстаться.

Благословивъ сына, добрая Наталья простилась съ нимъ и проводила его на улицу.

Александръ скорыми шагами отправился ко дворцу, обѣщавъ матери скоро опять навѣстить ее.

Наталья воротилась къ себѣ и, павъ ницъ передъ иконами, молила Бога о счастіи сына...

ГЛАВА III.

Заговорщики.

Господь услышалъ молитву матери.

Александръ все болѣе и болѣе снискивалъ милостивое расположеніе Царя своимъ усердіемъ въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей и искреннею привязанностью къ своему благодѣтелю.

Поступивъ въ роту Потѣшныхъ, Меншиковъ не переставалъ, однакожъ, исправлять должность царскаго камердинера.

Имѣя прекрасныя природныя дарованія и отличную память, Меншиковъ скоро пріобрѣлъ довольно обширныя познанія въ наукахъ. Точнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ на него дѣлъ, безпрекословнымъ повиновеніемъ, молчаливостью, храненіемъ ввѣряемыхъ ему тайнъ и терпѣніемъ при гнѣвѣ

молодого Царя; Александръ пріобрѣлъ совершенную довѣренность его; и распознавъ нравъ Государя и пріучившись примѣняться къ нему, онъ заслужилъ не только милость, но даже дружбу своего повелителя.

Кромѣ того Меншиковъ никогда не забывалъ того, чѣмъ обязанъ Лефорту, и всячески старался доказывать ему свою признательность, соображаясь со всѣми его намѣреніями.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Въ 1695 году, Царь Петръ Алексѣевичъ объявилъ Турціи войну. Вознамѣрившись покорить городъ Азовъ своей державѣ, для отвращенія татарскихъ набѣговъ на Россійскіе предѣлы, Государь отправился съ арміею въ Воронежъ, а оттуда къ Азову.

Александръ Меншиковъ участвовалъ въ этомъ походѣ и многими подвигами доказалъ свою храбрость.

По взятіи Азова, во время торжественнаго въѣзда въ Москву, добрая Наталья тщетно искала сына своего въ рядахъ простыхъ солдатъ. Рыдая, воротилась она домой, думая, что онъ погибъ на войнѣ; но какъ описать радость, восторгъ ея, когда на дворѣ малень-

каго домика, съ которымъ она не хотѣла разстаться, не смотря на всѣ просьбы Александра, она встрѣтила красиваго, стройнаго молодого офицера. То былъ сынъ ея, ея милый Александръ.

Пробывъ почти весь день съ матерью, Меншиковъ возвращался вечеромъ домой, предавшись размышленіямъ о предстоящей ему будущности.

На полпути отъ дома матери ко дворцу, молодой человѣкъ, проходя мимо одного дома довольно красивой наружности, увидалъ въ немъ свѣтъ и услышалъ громкіе разговоры.

Меншиковъ прошелъ мимо, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вспомнилъ, что этотъ домъ принадлежитъ стрѣлецкому полковнику Ивану Цыклеру, человѣку весьма безпокойнаго нрава, преданному царевнѣ Софіи и извѣстному уже по злодѣйскимъ замысламъ противъ Петра.

Меншиковъ хотѣлъ идти далѣе, но что-то необъяснимое влекло его къ этому дому. Подумавъ съ минуту, онъ вернулся, тихо подошелъ къ окну и заглянулъ въ щель ставни.

У Цыклера были гости, въ которыхъ

Меншиковъ большею частью узналъ приверженцевъ Софіи Алексѣевны. Видно было, что они давно уже собрались у полковника и весело пировали, потому что на столѣ стояли нѣсколько пустыхъ и полуопорожненныхъ кружекъ съ пивомъ, медомъ и виномъ.

Одни изъ гостей, болѣе всѣхъ прибѣгавшіе къ напиткамъ, покачивались со стороны на сторону и были уже не въ состояніи произнести ни слова.

Другіе собрались вокругъ Цыклера и о чемъ-то съ жаромъ разговаривали. По свирѣпому, звѣрскому выраженію лицъ этихъ людей, Меншиковъ догадался, что у нихъ было недоброе на умѣ; но какъ ни напрягалъ онъ слуха, до него не доходило ни одно слово.

То же самое необъяснимое чувство, которое прежде влекло его къ дому, говорило ему теперь, что открытіе того, что̀ происходило въ эту минуту между стрѣлецкими начальниками, собравшимися у Цыклера, могло быть весьма полезно Петру Алексѣевичу.

Перекрестившись и мысленно помолившись Богу, Меншиковъ пошелъ къ калиткѣ, чтобы пробраться на дворъ; но она была за-

церта. Меншиковъ подумалъ еще съ минуту, осмотрѣлся и, не видя никого на улицѣ, съ ловкостью полѣзъ черезъ заборъ. Ему не трудно было это сдѣлать, потому что, будучи ребенкомъ и играя съ товарищами, онъ научился мастерски лазать и прыгать.

Добравшись до верхушки забора, Александръ посмотрѣлъ на дворъ и, увидя, что тамъ никого нѣтъ, осторожно спустился и также осторожно сталъ пробираться къ дому; но едва сталъ онъ приближаться къ нему, какъ дверь въ сѣняхъ скрипнула.

Сердце Меншикова забилось... Въ сѣняхъ слышались приближающіеся шаги, а ему некуда было спрятаться... Скоро осмотрѣлся онъ и приложилъ уже руку къ шпагѣ, какъ вдругъ, къ величайшей своей радости, замѣтилъ пустое мѣсто подъ крыльцомъ.

Едва только онъ успѣлъ скрыться, какъ услышалъ надъ собою, на крыльцѣ, шаги двухъ человѣкъ. Войдя подъ навѣсъ крыльца, они остановились.

— Зачѣмъ ты вызвалъ меня? спросилъ одинъ изъ вышедшихъ.

— Да что̀, братъ! совѣсть мучитъ, отвѣчалъ другой.

— Эхъ, признаться сказать, и я не совсѣмъ спокоенъ.

— Чѣмъ это кончится, еще неизвѣстно; а что намъ худо будетъ, такъ это вѣрно!

— Правда, Иванъ Михайловичъ, будетъ худо! Ужъ я давно думаю, какъ бы намъ отстать съ честью?

— И я, братъ, одного съ тобою мнѣнія.

— Такъ какъ же быть?

— Да что̀, ужъ лучше сказать тебѣ откровенно, что я придумалъ?

— Говори, говори.

— Да ты не измѣнишь?

— Не измѣню.

— Побожись.

— Клянусь Христомъ Богомъ и Матерью Пресвятою Богородицею.

— Ну, такъ слушай: Царь теперь въ Преображенскомъ; завтра чѣмъ свѣтъ мы пойдемъ къ нему и откроемъ ему все.

— По рукамъ, Иванъ Михайловичъ, я совершенно согласенъ съ тобою. Но какъ бы намъ уйти теперь отсюда? Они тамъ такъ разшумѣлись, что какъ-разъ нагрянутъ дозорные.

— Мы скажемъ, что пора перестать пить,

и лучше идти домой, чтобы завтра быть бодрѣе, такъ какъ завтра наше намѣреніе должно быть приведено въ исполненіе.

— Ну, ладно! Только смотри, Иванъ Михайловичъ, дай руку, да чуръ не измѣнять!

— Молчи и ты; а завтра мы вмѣстѣ пойдемъ въ Преображенское.

— Рѣшено.

И Меншиковъ услышалъ, какъ шаги удалились въ сѣни, потомъ скрипнула дверь и опять все стихло.

Того, что̀ Меншиковъ узналъ, было для него совершенно достаточно. Изъ словъ двухъ раскаявшихся злоумышленниковъ онъ понялъ, что былъ какой-то заговоръ противъ Петра. Въ чемъ состоялъ этотъ заговоръ, Царь узнаетъ завтра утромъ отъ этихъ людей. Въ случаѣ же, если они опять перемѣнятъ свое намѣреніе, то Меншиковъ предупредитъ Петра Алексѣевича, и завтра же будетъ арестованъ Цыклеръ и другіе начальники заговора, которыхъ молодой человѣкъ узналъ.

Послѣ этого ему незачѣмъ было долѣе оставаться на дворѣ стрѣлецкаго полковника, а напротивъ — надобно было поскорѣе

убираться оттуда, потому что заговорщики, вѣроятно, не замедлятъ разойтись.

Меншиковъ вылѣзъ изъ-подъ крыльца и осторожно отправился къ калиткѣ, которую ему теперь не трудно было отворить, потому что она запиралась изнутри деревяннымъ запоромъ.

Но едва только онъ подошелъ къ воротамъ, какъ огромная собака, лежавшая до сихъ поръ смирно въ темномъ углу двора и какъ бы наблюдавшая за всѣми движеніями молодаго человѣка, выскочила и бросилась на него.

Меншиковъ вздрогнулъ и опять схватился за шпагу, чтобы ударить собаку; но она, какъ бы угадавъ намѣреніе его, ловко отскочила въ сторону и подняла страшный лай.

Не долго думая, бросился Меншиковъ къ калиткѣ и сталъ снимать запоръ, но, не смотря на всю поспѣшность, съ которою дѣйствовалъ, онъ не успѣлъ приподнять запора, какъ на крыльцо выбѣжало уже нѣсколько человѣкъ.

Собака продолжала страшно лаять. Дворъ освѣтился, и свѣтъ изъ фонаря, бывшаго въ

рукахъ самого Цыклера, упалъ прямо на лицо Меншикова.

Видя, что ему нѣтъ спасенія въ бѣгствѣ, молодой человѣкъ остановился, прислонился къ калиткѣ и приложилъ руку къ шпагѣ, смѣло смотрѣлъ на грозныя лица и блиставшіе гнѣвомъ глаза заговорщиковъ...

Минута была страшная для Меншикова, опасность неминуемая...

ГЛАВА IV.

Счастливая мысль.

Смирно, Полканъ! закричалъ Цыклеръ, сходя съ крыльца:—смирно, сюда!..

Собака повиновалась своему хозяину; поджавъ хвостъ, искоса поглядывая на Меншикова и глухо ворча, стала она приближаться къ Цыклеру.

— Кого Богъ принесъ? говорилъ Цыклеръ, поднявъ фонарь и идя къ Меншикову:—что ты за человѣкъ?

Самъ не зная, на что рѣшиться, Меншиковъ въ отчаяніи хотѣлъ броситься впередъ, но собака, замѣтивъ движеніе его, предупредила его и опять стала лаять, оскаливъ зубы.

— Уймите собаку! вскричалъ молодой человѣкъ:—или я заколю ее!

Услышавъ знакомый голосъ, Цыклеръ вздрогнулъ, опустилъ фонарь, и глаза его свирѣпо засверкали.

— Нежданный гость! вскричалъ онъ, скрывъ свое смятеніе: — Александръ Даниловичъ! ты ли это? Какими судьбами?

— Меншиковъ! съ невольнымъ страхомъ повторили стрѣльцы, вышедшіе изъ дому вмѣстѣ съ Цыклеромъ.

Послѣдній подошелъ между тѣмъ къ Меншикову и, поднявъ фонарь къ самому лицу его, сказалъ съ грубой насмѣшливостью:

— Милости просимъ, батюшка Александръ Данилычъ, милости просимъ! Нежданный, но желанный гость!.. Что это ты изволишь по ночамъ по чужимъ дворамъ прогуливаться?.. Аль по-прежнему пирожки сладенькіе продаешь? Да, кажись, не время теперь; ты же безъ лоточка... Ну, Полканъ, смирно, погоди маленько; сейчасъ тебѣ будетъ пожива.

Меншиковъ былъ въ самомъ опасномъ положеніи: передъ собой видѣлъ онъ свирѣпаго Цыклера, съ ненавистью смотрѣвшаго на него, а за нимъ слышался глухой, грозный ропотъ заговорщиковъ, гостей его.

— Что молчишь, Александръ Даниловичъ? продолжалъ Цыклеръ злобно: — али совѣстно стало? Кажись ты не удовольствовался званіемъ холопа царевича Петра, а пошелъ еще въ добавокъ къ нему въ лазутчики? Исполать, Александръ Данилычъ, исполать!

— Лазутчикъ вскричали съ гнѣвомъ, смѣшаннымъ съ безпокойствомъ, прочіе заговорщики;—не выпускать его, не выпускать! Изрубимъ его въ куски!

— Что вы горячитесь, братцы? возразилъ Цыклеръ съ прежнимъ злобнымъ спокойствіемъ: — стоитъ ли столько шумѣть изъ-за подлаго лазутчика? Вы хотите изрубить его? Да стоитъ ли марать руки? Посмотрите лучше, какъ мой Полканъ развѣдается съ нимъ! Сейчасъ будетъ потѣха. Эй, Полканъ, сюда!

Полканъ побѣжалъ къ стрѣлецкому полковнику и сталъ возлѣ него. Цыклеръ погладилъ собаку, поласкалъ ее, приговаривая:

— Умница ты, Полканушка! Умѣешь разбирать людей; зато тебѣ пожива будетъ. Ну, бери его! Да смотри, чтобы однѣ косточки остались!

Какъ бы желая заслужить вполнѣ похвалу своего хозяина, Полканъ съ яростью

бросился на Меншикова, но тотъ успѣлъ уже отскочить въ сторону.

Счастливая мысль блеснула въ умѣ его.

— Эй, Иванъ Петровичъ! закричалъ онъ; удержи собаку! Я пришелъ къ вамъ съ добрымъ намѣреніемъ!

— Знаемъ мы твое доброе намѣреніе! Бери, Полканъ, бери его! отвѣчалъ стрѣлецкій полковникъ.

— Я пришелъ предложить свои услуги! продолжалъ Меншиковъ, защищаясь отъ собаки, съ яростью бросавшейся на него.

— Услуги! повторилъ Цыклеръ. — Эй, Полканъ, сюда!..

Собака неохотно отступила.

— Услуги? сказалъ еще разъ стрѣлецкій полковникъ;—какія услуги?

— Здѣсь не мѣсто объясняться, смѣло отвѣчалъ Меншиковъ: — впусти меня въ свѣтелку, и я тебѣ все разскажу.

Цыклеръ изподлобья посмотрѣлъ на Меншикова, потомъ обратился къ товарищамъ и спросилъ:

— Какъ вы думаете, братцы, впустить его?

Стрѣльцы рядовые.

Стрѣльцы посовѣтовались между собою, потомъ одинъ изъ нихъ отвѣчалъ:

— Вѣстимо впустить; если онъ насъ обманываетъ, такъ мы и послѣ успѣемъ раздѣлаться съ нимъ.

Стрѣлецкій полковникъ подумалъ еще съ минуту, потомъ обратился къ молодому человѣку и спросилъ:

— Какъ ты сюда попалъ?

— Черезъ заборъ перелѣзъ, отвѣчалъ Меншиковъ.

— Зачѣмъ?

Чтобы видѣть тебя и поговорить съ тобою.

— Зачѣмъ же ты не вошелъ прямо въ домъ?

— Собака не пустила.

Цыклеръ еще разъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на Меншикова, потомъ сказалъ:

— Ну, такъ и быть, ступай съ нами; да только смотри!.. Коли ты измѣнникъ, такъ тебѣ не будетъ пощады!

— Повторяю тебѣ, что я нарочно пришелъ сюда, чтобы предложить тебѣ свои услуги.

— Ну, посмотримъ, посмотримъ!.. Ступай!.

Вскорѣ Меншиковъ, Цыклеръ и за ними стрѣльцы вошли въ домъ.

Чтобы обстоятельства, здѣсь разсказываемыя, были вамъ понятнѣе, милые читатели, я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Царь Петръ Алексѣевичъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы образовать своихъ подданныхъ и сколь возможно болѣе сблизить Россію съ прочими просвѣщенными государствами Европы. Для лучшаго достиженія этой цѣли, онъ послалъ съ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ въ иностранныя государства многихъ боярскихъ дѣтей, для изученія неизвѣстныхъ еще тогда въ Россіи наукъ.

Кромѣ пользы отечества, мѣра эта имѣла еще ту цѣль, чтобы отсутствіе изъ государства этихъ дѣтей послужило обузданіемъ буйныхъ отцовъ, имѣвшихъ довольно власти, для удержанія мятежей суевѣрнаго дворянства.

Но это мудрое распоряженіе возбудило общій ропотъ въ народѣ. Всѣ говорили, что это дѣло неслыханное, противное закону Божію и законамъ прежнихъ государей; даже нѣкоторыя духовныя особы, закоснѣлыя въ

древнихъ суевѣрныхъ предразсудкахъ, старались подтвердить и какъ бы оправдать общій ропотъ изреченіями Священнаго Писанія, въ коемъ воспрещалось Израильскому народу имѣть сообщенія съ иноплеменниками; они же говорили, что странствованіе людей православныхъ по еретическимъ землямъ нанесетъ вредъ вѣрѣ и православному исповѣданію.

Бояре одобряли народное негодованіе, особливо тѣ, которые придерживались стороны царевны Софіи. Они даже старались составить заговоръ, въ чемъ и успѣли. Начальниками заговора были, разумѣется, стрѣльцы, и одинъ изъ главныхъ былъ стрѣлецкій полковникъ Цыклеръ.

Цѣль же заговора мы сейчасъ узнаемъ.

ГЛАВА V.

Хитрость Меншикова.

Когда Меншиковъ и стрѣльцы вошли въ домъ, Цыклеръ заперъ за ними двери на замокъ, потомъ вышелъ на середину покоя.

На всѣхъ лицахъ были написаны безпокойство и недовѣрчивость; только лицо молодаго Меншикова было спокойно, хотя сердце его сильно билось.

— Меншиковъ, сказалъ Цыклеръ громкимъ голосомъ: — насъ здѣсь четырнадцать человѣкъ; если ты пришелъ къ намъ какъ другъ, то мы охотно протягиваемъ тебѣ руку; если же у тебя есть злое противъ насъ намѣреніе, то клянусь, что ты уже не переступишь живой за порогъ этого покоя!

Холодная дрожь пробѣжала по всему тѣлу молодого человѣка; но онъ скрылъ свое сму-

щеніе и отвѣчалъ твердымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Садитесь, господа, выслушайте меня спокойно и потомъ судите... Могу ли я говорить смѣло?

— Говори смѣло! отвѣчалъ Цыклеръ: — здѣсь все люди преданные мнѣ.

— Такъ садитесь и слушайте.

Всѣ сѣли.

— Братцы, продолжалъ Меншиковъ: — я пришелъ предложить вамъ свои услуги... Располагайте мною. Вамъ извѣстно, что я считалъ до сихъ поръ Петра Алексѣевича моимъ благодѣтелемъ; но теперь все перемѣнилось... Онъ оскорбилъ меня, оскорбилъ хуже, нежели послѣдняго холопа! Да, Василій Петровичъ, продолжалъ Меншиковъ, обращаясь къ Цыклеру:—ты сейчасъ правду говорилъ, называя меня холопомъ Петра!.. Точно, я былъ, но не хочу болѣе быть его холопомъ!..

— Чѣмъ же Петръ оскорбилъ тебя? спросилъ одинъ изъ стрѣльцовъ.

— Вы всѣ знаете, что за храбрость, оказанную мною въ послѣдней турецкой войнѣ, меня пожаловали чиномъ. Я подумалъ, что

въ званіи военнаго офицера мнѣ уже неприлично чистить кафтанъ и сапоги кому бы то ни было, хоть бы и самому царю, какъ я то дѣлывалъ прежде...

— Разумѣется, неприлично, замѣтилъ одинъ изъ стрѣльцовъ:—это дѣло холоповъ.

— Я также думалъ, а потому поручилъ исполнять это дѣло одному изъ слугъ царя. Сегодня утромъ, готовясь къ торжественному вступленію войскъ, Петръ Алексѣевичъ всталъ ранѣе обыкновеннаго и, вышедъ въ сосѣднюю комнату, засталъ тамъ слугу, чистившаго его платье. — А гдѣ Меншиковъ? спросилъ онъ гнѣвно.—Почиваетъ еще, отвѣчалъ слуга.—Не говоря болѣе ни слова, царь въ сильномъ гнѣвѣ подошелъ къ моей кровати и разбудилъ меня толчкомъ. — Такъ-то служишь ты мнѣ! вскричалъ онъ вспыльчиво.—Я сначала не понялъ въ чемъ дѣло; но когда онъ объяснилъ мнѣ его, такъ я отвѣчалъ спокойно, что считаю для себя неприличнымъ впредь заниматься дѣломъ холопа.

— Умно сказано! замѣтилъ Цыклеръ.

— А знаете ли, что̀ сдѣлалъ Петръ?.. Онъ ударилъ меня въ лицо!..

Стрѣльцы заворчали.

— И, осыпая разными бранными словами, схватилъ палку и изо всей мочи сталъ бить меня полунагого!..

Послѣднія слова Меншиковъ произнесъ съ притворнымъ негодованіемъ, потомъ продолжалъ:

— Точно, я былъ обязанъ царю, но послѣднимъ поступкомъ своимъ онъ самъ избавилъ меня отъ всякой благодарности... а потому я вашъ, душою и тѣломъ! Я поклялся служить царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, и съ этой цѣлью пришелъ къ тебѣ, Василій Петровичъ, одному изъ вѣрнѣйшихъ слугъ ея!..

Меншиковъ замолчалъ. Молчали и стрѣльцы. Самъ Цыклеръ все еще недовѣрчиво смотрѣлъ на молодаго человѣка.

Наконецъ Цыклеръ всталъ и, пристально смотря на Меншикова, сказалъ:

— Ты очень ошибся, Александръ Данилычъ, благодарю тебя за предложеніе услугъ, но не могу воспользоваться имъ. Мы собрались сюда совсѣмъ не съ такимъ намѣреніемъ, какъ ты думаешь; правда, возставали и мы противъ Петра, но наконецъ поняли, что вся наша борьба съ нимъ ни къ чему

не поведетъ, а потому на сегодняшнемъ совѣщаніи рѣшили...

— Убить завтра Петра! съ просонокъ произнесъ одинъ изъ пьяныхъ стрѣльцовъ.

— Молчи, Потанинъ! съ сердцемъ вскричалъ Цыклеръ; потомъ, обратившись опять къ Меншикову, продолжалъ:—не слушай его, онъ пьянъ... Итакъ, мы рѣшили явиться завтра къ царю Петру Алексѣевичу съ повинною головою и...

— Убить его во время пожара! вскричалъ опять тотъ же пьяный стрѣлецъ.

— Выведите Потанина! съ бо́льшимъ еще гнѣвомъ сказалъ стрѣлецкій полковникъ своимъ товарищамъ, и пока тѣ исполняли его приказаніе, онъ продолжалъ, обращаясь къ Меншикову: — явиться къ нему съ повинною головою и присягнуть ему на вѣрность.

Восклицаніе пьянаго стрѣльца заставило два раза вздрогнуть Александра: онъ угадалъ теперь ужасный замыселъ стрѣльцовъ и нетерпѣливо желалъ уйти отъ нихъ, чтобы предупредить Петра.

— Иванъ Петровичъ, сказалъ онъ,—ты не довѣряешь мнѣ: Богъ съ тобою! Коли ты не хочешь еще принять моихъ услугъ, такъ я

постараюсь доказать тебѣ на дѣлѣ искренность своего предложенія. Теперь пока прощай.

Меншиковъ подошелъ-было къ двери, но Цыклеръ преградилъ ему дорогу.

— Прощай! повторилъ онъ съ злобной усмѣшкой:—ты думаешь, что какъ пришелъ, такъ и уйдешь? Ты думаешь, что мы вотъ такъ и развѣсили уши, когда ты намъ разсказывалъ хитро придуманную сказку?.. Нѣтъ, братъ, по словамъ твоимъ я вижу, что ты знаешь больше, нежели тебѣ знать надлежитъ!

— Отчего же ты не принимаешь моихъ услугъ?.. спросилъ Меншиковъ съ невольнымъ безпокойствомъ.

— Знаемъ мы, каковы эти услуги! отвѣчалъ Цыклеръ.—Ты пришелъ сюда вывѣдать нашу тайну; ты думалъ, что мы откроемъ тебѣ все! Какъ бы не такъ! Ты отсюда не выйдешь!

— Что же вы хотите со мною дѣлать?

— То, что обыкновенно дѣлаютъ съ лазутчиками, сурово отвѣчалъ Цыклеръ.

— Но коли я даю вамъ слово, что лазутчикомъ не былъ и не хочу быть!

— Полно сказки разсказывать!.. перебилъ его Цыклеръ.

— Послушай, Иванъ Петровичъ, замѣтилъ одинъ изъ стрѣльцовъ:—можетъ, онъ и правду говоритъ... Зачѣмъ же отвергать его услуги, которыя могутъ намъ быть очень полезны?

Цыклеръ подумалъ, потомъ отвѣчалъ:

— А если онъ измѣнитъ намъ?

— Какъ онъ можетъ измѣнить? Есть ли у него какія-нибудь доказательства? возразилъ стрѣлецъ.

— Э! станутъ тутъ спрашивать доказательствъ! Нѣтъ, братцы, воля ваша, а я его отсюда не выпущу! Дѣло наше такъ улажено, что мы обойдемся и безъ его помощи; завтра вечеромъ все будетъ кончено; до тѣхъ поръ Меншиковъ просидитъ у меня въ подвалѣ; потомъ мы его выпустимъ, и если онъ насъ теперь не обманываетъ, такъ тогда можетъ присоединиться къ намъ; онъ малый умный, слѣдственно и послѣ можетъ намъ пригодиться.

— Дѣло, дѣло! сказали стрѣльцы: мы обойдемся и безъ него; въ подвалъ его, въ подвалъ!

Наступила рѣшительная минута. Менши-

ковъ съ ужасомъ увидѣлъ, что всѣ старанія его были напрасны и что ему не только нельзя предувѣдомить царя Петра Алексѣевича, но что въ минуту опасности ему нельзя даже будетъ защитить его своею грудью.

Невыразимое отчаяніе овладѣло молодымъ человѣкомъ; онъ не зналъ, что дѣлать; машинально схватился онъ за шпагу, чтобы прочистить себѣ дорогу къ двери и крикомъ созвать сосѣдей; но, взглянувъ на грозныя лица стрѣльцовъ и на число ихъ, онъ понялъ всю безразсудность этого намѣренія.

Что же ему было дѣлать?

Всевышній изобралъ Петра для возвеличенія, для прославленія Россіи, и Всевышній хранилъ Своего избранника!..

Лицо Меншикова внезапно прояснилось. Презрительная улыбка выступила на устахъ его; выпрямившись и гордо поднявъ голову, онъ окинулъ всѣхъ присутствующихъ спокойнымъ взоромъ и отвѣчалъ:

— Вы не вѣрите мнѣ; вы боитесь измѣны... Извольте, ведите меня въ подвалъ, убивайте меня, дѣлайте, что хотите, но выслушайте одно: не отъ меня страшитесь измѣны, а отъ своихъ же братьевъ... да

отъ двухъ человѣкъ, которые теперь между вами!

— Между нами! вскричали стрѣльцы съ невольнымъ страхомъ.

— Да, между вами!.. Заключите меня въ подвалъ, но знайте, что завтра утромъ, чуть свѣтъ, двое изъ васъ отправятся въ Преображенское и обо всемъ донесутъ царю... Что вы поблѣднѣли? Не правда ли, что скрытая измѣна страшнѣе открытой?

— Но кто измѣнники, кто? Назови ихъ! вскричалъ Цыклеръ.

— Зачѣмъ? спокойно отвѣчалъ Меншиковъ:—зачѣмъ мнѣ напрашиваться со своими услугами, коли вы не принимаете ихъ?.. Что-жъ вы стали?.. Ведите же меня въ подвалъ.

Стрѣльцы молча и съ боязнію смотрѣли другъ на друга. Двое изъ нихъ страшно поблѣднѣли. По блѣдности и ужасу, выражавшемуся на лицахъ двухъ раскаявшихся стрѣльцовъ, Меншиковъ узналъ ихъ.

— Что? продолжалъ онъ:—еслибъ я былъ лазутчикомъ, сталъ ли бы я наговаривать вамъ на свою голову?

Цыклеръ расправилъ усы и вдругъ протянулъ къ Меншикову руку:

— Александръ Даниловичъ, сказалъ онъ: ты нашъ!

— Да, нашъ, нашъ! мы вѣримъ тебѣ! вскричали другіе стрѣльцы.

— Открой намъ имена измѣнниковъ! просилъ Цыклеръ.

— Послушайте, отвѣчалъ Меншиковъ: — не столько изъ преданности къ вамъ, сколько изъ жажды мщенія за личное оскорбленіе, я готовъ простить вамъ вашу недовѣрчивость и всѣми силами содѣйствовать успѣху вашего дѣла. Хоть вы и говорите, что обойдетесь безъ меня, но повѣрьте, что я могу быть вамъ полезенъ!.. Итакъ, прежде всего, отнимемъ у измѣнниковъ возможность помѣшать намъ... Вотъ они! прибавилъ молодой человѣкъ, указывая на двухъ стрѣльцовъ.

Въ одно мгновеніе въ воздухѣ сверкнули нѣсколько ножей. Виновные, пораженные ужасомъ, упали на колѣни.

— Смерть измѣнникамъ, смерть! вскричали нѣкоторые стрѣльцы, бросившись на несчастныхъ.

— Что̀ вы хотите дѣлать? сказалъ Меншиковъ, поспѣшно ставъ между ними. — Вы

испортите все дѣло!... Остановитесь! Неужели вы думаете, что завтра же родные и пріятели этихъ измѣнниковъ не станутъ искать ихъ, освѣдомляться о нихъ?.. Да и стоютъ ли они того, чтобы кровь ихъ запятнала васъ, людей благородныхъ?.. Нѣтъ, товарищи! Они должны умереть позорною смертью... Пусть предпріятіе наше удастся, тогда ихъ постигнетъ казнь!..

Стрѣльцы остановились въ нерѣшимости.

— Что же съ ними дѣлать? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Да вотъ Иванъ Петровичъ хвасталъ своимъ подваломъ и сулилъ мнѣ въ немъ мѣстечко, за что я ему очень благодаренъ; посадите ихъ туда!

— Александръ Даниловичъ правъ, сказалъ одинъ изъ стрѣльцовъ;—надобно послушаться его.

— Батюшки, отцы родные, пощадите! завопили въ одинъ голосъ несчастные.

— Смирно! закричалъ Меншиковъ, какъ бы принявъ уже на себя начальство надъ заговорщиками:—если одинъ изъ васъ подастъ голосъ, такъ я самъ своею рукою заколю его!

— Въ подвалъ ихъ, въ подвалъ! вскри-

чали стрѣльцы: — Иванъ Петровичъ, покажи намъ дорогу!

Несчастные, объятые непреодолимымъ ужасомъ, не сопротивлялись. Ихъ увели. Нѣсколько минутъ спустя Цыклеръ вернулся съ двумя или тремя стрѣльцами, отводившими своихъ товарищей.

— Ну, Александръ Даниловичъ, сказалъ Цыклеръ:—прости мнѣ мою недовѣрчивость; теперь я вижу, что ты не обманывалъ насъ; вотъ тебѣ моя рука, въ знакъ союза и дружбы! Теперь ты нашъ!

Прочіе стрѣльцы окружили Меншикова и наперерывъ другъ передъ другомъ стали жать ему руки.

— Теперь мы можемъ вполнѣ ввѣриться тебѣ и просить твоей помощи, продолжалъ Цыклеръ.

— Зачѣмъ? отвѣчалъ Меншиковъ небрежно, между тѣмъ какъ сердце его билось радостной надеждой открыть весь заговоръ злодѣевъ:—вы, можетъ быть, еще не совсѣмъ увѣрены во мнѣ?

— О, нѣтъ! Ты доказалъ намъ на дѣлѣ свою преданность! отвѣчалъ Цыклеръ; — и такъ слушай: во дворецъ пробраться трудно, а

потому мы придумали зажечь завтра въ полночь посрединѣ Москвы два дома рядомъ. Мы всѣ знаемъ, что царь Петръ Алексѣевичъ всегда первый пріѣзжаетъ на пожары, для надзора за тушеніемъ ихъ, а потому будетъ тамъ...

Цыклеръ невольно остановился. Несмотря на всю свою увѣренность въ искренности Меншикова, онъ все еще не рѣшался высказать ему ужаснаго намѣренія своего.

— Во время суматохи, продолжалъ онъ глухимъ, мрачнымъ голосомъ,—мы окружимъ царя и... въ тѣснотѣ... тотъ, на кого падетъ жребій... или кому поможетъ случай... заколетъ его!

Неимовѣрнаго усилія стоило Меншикову скрыть свое негодованіе; но онъ успѣлъ въ томъ и, принявъ мрачный видъ, отвѣчалъ:

— Завтра царь будетъ такъ занятъ смотромъ войскъ, что утомится и, можетъ быть, не захочетъ ѣхать на пожаръ; такъ я берусь уговорить его...

— Дай же намъ еще разъ руку! вскричалъ Цыклеръ: — теперь мы видимъ въ тебѣ брата, и повѣрь, что Софья Алексѣевна сумѣетъ вознаградить тебя!

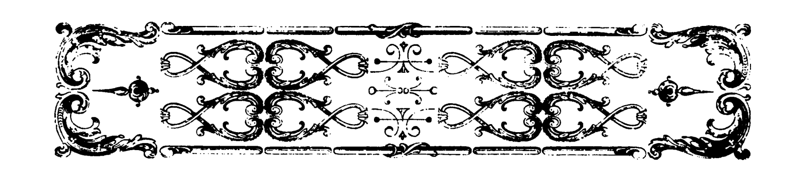

Стрѣльцы начальники.

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ, заговорщики разошлись.

Черезъ полчаса Меншиковъ скакалъ во весь опоръ на лихомъ конѣ въ Преображенское, гдѣ ночевалъ Царь Петръ Алексѣевичъ.

ГЛАВА VI.

Неустрашимость Петра.

Въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы находилось село Преображенское, любимое мѣстопребываніе царя Петра Алексѣевича.

Оно отличалось прелестнымъ мѣстоположеніемъ, здоровымъ, чистымъ воздухомъ, и служило уже загороднымъ мѣстопребываніемъ царя Алексѣя Михайловича, выстроившаго въ этомъ мѣстѣ красивый дворецъ, названный имъ *Потѣшнымъ;* при немъ въ этомъ дворцѣ давались разныя зрѣлища, которыя при наслѣдникѣ его приняли совсѣмъ иной характеръ и иную цѣль.

Къ молодому царю Петру Алексѣевичу приставили многихъ боярскихъ дѣтей однихъ съ нимъ лѣтъ. Игры этихъ молодыхъ людей. подъ управленіемъ Петра получили воинственное направленіе; изъ общества ихъ составилась рота подъ названіемъ *Потѣшной.*

Каждый членъ этой роты начиналъ службу съ низшихъ чиновъ; самъ Петръ не имѣлъ никакого преимущества. Какъ простой рядовой стоялъ онъ на часахъ; спалъ, ѣлъ, одѣвался такъ же, какъ и товарищи его, и даже самъ возилъ въ тачкахъ землю при постройкѣ шанцовъ для воинскихъ упражненій.

Эта маленькая рота сдѣлалась впослѣдствіи основой русской военной силы. Когда разнеся слухъ о воинскихъ упражненіяхъ Потѣшныхъ, тогда всѣ боярскія дѣти стали домогаться чести поступить въ эту роту.

Въ преображенскомъ селѣ скоро не стало мѣста для помѣщенія всей роты, а потому часть ея была перемѣщена въ село Семеновское. Такимъ образомъ образовались двѣ роты, получившія свои названія отъ селъ, въ которыхъ помѣщались, и превратившіяся впослѣдствіи въ два гвардейскіе и понынѣ существующіе полка.

Едва проснулся Петръ Алексѣевичъ, на другой день послѣ разсказаннаго нами происшествія, какъ Меншиковъ вошелъ къ нему въ спальню и разсказалъ о злодѣйскомъ замыслѣ стрѣльцовъ. На вопросъ царя, ка-

кимъ образомъ онъ узналъ объ этомъ замыслѣ, Меншиковъ разсказалъ происшествіе.

Петръ обнялъ его съ восторгомъ, радовался уму его и благодарилъ за преданность.

Высказавъ молодому человѣку всю свою признательность, Царь задумался. Брови его насупились; тяжкая дума омрачила высокое чело его.

Всѣ дѣйствія молодаго Государя клонились къ общей пользѣ и къ прославленію Россіи: зачѣмъ же эти люди не хотятъ понять благихъ намѣреній его и безпрестанно возстаютъ противъ нихъ?.. Неужели этому не будетъ конца?.. Неужели всегда онъ будетъ встрѣчать препятствія, основанныя на грубыхъ предразсудкахъ, на варварскомъ суевѣріи?

— О, нѣтъ, нѣтъ! невольно вскричалъ Петръ, какъ-бы въ отвѣтъ на свою тайную мысль:—Богъ даровалъ мнѣ власть, силу и умъ для того, чтобы они служили мнѣ для общаго блага моего народа, а благо это требуетъ искорененія зла, таящагося въ невѣжествѣ этихъ людей!... Благодарю тебя, Меншиковъ, продолжалъ Царь, обращаясь къ своему любимцу:—благодарю! Я сейчасъ приму свои мѣры противъ этихъ злодѣевъ!

И сѣвъ къ столу, Петръ написалъ секретную записку къ капитану Лопухину, приказывая ему собрать всю свою роту потихоньку, и около одинадцати часовъ передъ полуночью подступить къ дому Цыклера, окружить его и захватить всѣхъ, кто тамъ будетъ.

Петръ былъ такъ взволнованъ, что въ забывчивости написалъ *одинадцать часовъ*, между тѣмъ какъ намѣреніе его было приказать Лопухину исполнить все это въ *десять часовъ*.

Наступилъ вечеръ.

Полагая, что капитанъ уже на мѣстѣ, Царь Петръ Алексѣевичъ ровно въ десять часовъ велѣлъ позвать Меншикова, сѣлъ съ нимъ въ одноколку и поѣхалъ къ дому Цыклера.

Подъѣхавъ къ нему, Царь крайне изумился, увидавъ, что вокругъ дома царствовала глубокая тишина; нигдѣ незамѣтно было ни малѣйшаго движенія; ни вокругъ дома, ни въ окрестностяхъ его не было живой души.

— Это что значитъ? спросилъ Царь, останавливая лошадь и обратившись къ Меншикову.

—“Не понимаю, Государь, отвѣчалъ Меншиковъ съ невольнымъ безпокойствомъ.

— Вѣрно караулъ вошелъ уже въ домъ, сказалъ Петръ, быстро выскочивъ изъ одноколки.

Меншиковъ послѣдовалъ за нимъ, наскоро привязалъ лошадь къ столбу и вслѣдъ за Царемъ вышелъ на дворъ.

Калитка была не заперта, потому что въ этотъ вечеръ сходились къ Цыклеру злоумышленники.

На дворѣ все было тихо.

Петръ пожалъ плечами, но, не останавливаясь ни минуты, взошелъ прямо на крыльцо въ сопровожденіи своего вѣрнаго Меншикова, а оттуда въ комнату собранія заговорщиковъ.

Послѣдніе тихо разговаривали между собою, условливаясь насчетъ того, какъ имъ поступать, и выпивая стаканъ за стаканомъ пива или вина, чтобы придать себѣ бодрости.

Вдругъ дверь отворилась... нѣкоторые изъ стрѣльцовъ подняли головы... раздался громкій крикъ изумленія и испуга.

На порогѣ стоялъ стройный, высокій молодой Царь...

Петръ самъ крайне изумился и разгнѣвался, увидавъ, что стража его еще не пришла. Но, скрывъ свое минутное смущеніе, онъ вошелъ въ горницу со свойственнымъ ему неустрашимымъ мужествомъ.

Стрѣльцы встали и низко поклонились Государю.

Цыклеръ схватился уже за ножъ, бросивъ свирѣпый взглядъ на Меншикова; но послѣдній, стоя за Петромъ, дѣлалъ ему знаки, которыми убѣждалъ его подождать и объяснялъ, что онъ самъ привелъ Царя въ ихъ руки.

Стрѣлецкій полковникъ успокоился.

— Здравствуй, Иванъ Петровичъ, сказалъ ему Петръ, нимало не показывая своего внутренняго волненія;—У тебя, пріятель, весело!

— Пріятели собрались побесѣдовать, отвѣчалъ Цыклеръ, низко кланяясь:—но по какому случаю имѣю я счастіе зрѣть у себя въ домѣ твою царскую милость?..

— Вотъ Александръ, благосклонно отвѣчалъ Петръ, указывая на Меншикова,—непремѣнно захотѣлъ, чтобы я поѣхалъ съ нимъ прогуляться; проѣзжая мимо твоего дома, я замѣтилъ столь великій свѣтъ въ твоихъ окнахъ, что подумалъ, конечно-де-у хозяина

пирушка; а такъ какъ спать еще рано, да я же, признаться сказать, отъ веселой, дружеской и умной пирушки не прочь, то и заѣхалъ къ тебѣ въ гости.

— Много милости, много милости! говорилъ Цыклеръ, кланяясь чуть не въ ноги— Просимъ покорно садиться!

— Спасибо, спасибо, хозяинъ! сказалъ Петръ, садясь на скамью и осматривая присутствующихъ:—Э! да здѣсь все знакомые? Что ты, Соковинъ, раскраснѣлся? Видно у тебя отъ пива кровь въ голову бросилась?

Соковинъ, другой стрѣлецкій полковникъ, принуждено улыбнулся, хотѣлъ что-то сказать, но языкъ не повернулся, и онъ пробормоталъ нѣсколько несвязныхъ словъ.

— А ты, Пушкинъ, что такой блѣдный? Видно, нездоровъ? Надобно беречься, любезный; ты человѣкъ дѣльный; сестрица моя, царевна Софья Алексѣевна, тебя особенно хвалитъ, а потому и я дорожу тобой.

— Я ничѣмъ не заслужилъ такой милости, угрюмо отвѣчалъ Пушкинъ.

— Не заслужилъ, такъ заслужишь, сказалъ Петръ, улыбаясь. Да что же вы замолкли? Неужели я помѣшалъ вамъ? А Меншиковъ

увѣрялъ меня, что вы будете рады мнѣ, какъ дорогому гостю!

— Да какъ же намъ и не радоваться сказалъ Цыклеръ, успѣвшій уже совершенно опомниться; схвативъ большую кружку, онъ сталъ наполнять стаканы пѣнистымъ пивомъ и вскричалъ:—За здоровье нашего возлюбленнаго Царя Петра Алексѣевича! Дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать и царствовать!

— За здравіе! повторили стрѣльцы, схвативъ стаканы.

— Благодарю вас, мои вѣрные слуги! отвѣчалъ Петръ, взявъ также стаканъ.

Въ то самое время, какъ онъ пилъ, къ Цыклеру приблизился одинъ изъ стрѣльцовъ и шепнулъ ему:

— Пора, братъ!

— Нѣтъ еще! отвѣчалъ стрѣлецкій полковникъ шопотомъ же.

Петръ Алексѣевичъ, слѣдившій за всѣми движеніями злоумышленниковъ, слышалъ слова ихъ. Видя, что рѣшительная минута наступила, онъ вскочилъ и со всего размаха ударилъ Цыклера въ лицо, такъ что тотъ повалился навзничъ.

— *Ежели тебѣ еще не пора*, вскричалъ Петръ грознымъ голосомъ:—*такъ мнѣ теперь пора!*

Стрѣльцы на мгновеніе смутились, но одинъ изъ нихъ съ быстротою молніи схватилъ ножъ и бросился на Петра.

Быть можетъ убійца и исполнилъ бы свое злодѣйское намѣреніе, еслибъ Меншиковъ не заслонилъ своею грудью Петра и не схватилъ руку убійцы.

— Стража, сюда! вскричалъ Царь громовымъ голосомъ невольно и какъ будто бы только для того, чтобы испугать злоумышленниковъ.

Но слова его, повидимому, имѣли волшебную силу: въ ту же минуту растворилась дверь и въ горницу вошелъ капитанъ Лопухинъ со всею командою.

— Вяжите ихъ! вскричалъ Царь.

Злоумышленники упали на колѣни, моля о пощадѣ, которой не заслужили по своимъ злодѣйскимъ замысламъ.

Въ то время, какъ ихъ связывали, Царь съ гнѣвомъ обратился къ Лопухину и сталъ укорять его въ томъ, что онъ не явился въ назначенный часъ. Капитанъ въ оправданіе свое показалъ Государю собственноручную записку, въ которой онъ ошибся цѣлымъ часомъ.

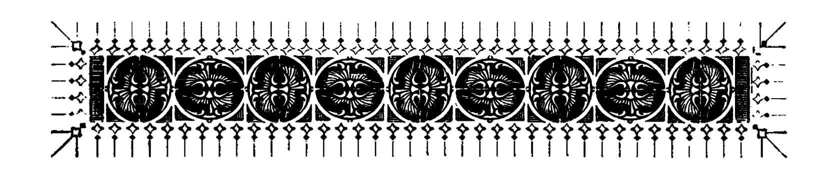
— Извини, Лопухинъ, сказалъ Петръ, поцѣловавъ капитана въ лобъ,—ты исправный, честный офицеръ и я не забуду тебя. Отдаю тебѣ подъ строжайшій надзоръ этихъ злодѣевъ. Теперь пойдемъ, Александръ, мы свое дѣло сдѣлали.

— Нѣтъ еще, не совсѣмъ, Государь, отвѣчалъ Меншиковъ: — надобно освободить двухъ несчастныхъ, сидящихъ въ подвалѣ и заслуживишихъ своимъ раскаяніемъ прощеніе.

— Правда, сказалъ Петръ, — притомъ же страхъ, въ которомъ они находятся со вчерашняго вечера, не зная, чѣмъ рѣшится участь ихъ, можетъ послужить и наказаніемъ.

Кто опишетъ радость несчастныхъ заключенныхъ, когда ихъ освободили и когда имъ объявили о помилованіи? Рыдая, цѣловали они ноги Великаго Царя, а одинъ изъ нихъ человѣкъ молодой еще, по имени Иванъ Симоновъ, поклялся вѣчно служить Меншикову.

Мы увидимъ впослѣдствіи, сдержалъ ли онъ слово.

ГЛАВА VII.

Заслуги Меншикова и блистательное повышеніе его.

Главные заговорщики были преданы суду, а потомъ казнены смерью.

Меншиковъ же вошелъ еще въ большую милость своего Государя. Съ того времени Петръ допустилъ его участвовать во всѣхъ совѣтахъ и обходился съ нимъ такъ же благосклонно, какъ съ Лефортомъ, заключившимъ съ облагодѣтельствованнымъ имъ молодымъ человѣкомъ тѣсную, неразрывную дружбу.

Нѣсколько времени спустя послѣ того, Петръ предпринялъ путешествіе по Европѣ и взялъ Меншикова съ собою. Александръ Даниловичъ былъ вмѣстѣ съ Царемъ въ Ригѣ, въ Кенигсбергѣ и разныхъ другихъ городахъ: въ Амстердамѣ, въ Саардамѣ, въ Лондонѣ. Онъ сопровождалъ Царя въ Англій-

скій парламентъ, гдѣ король сидѣлъ на тронѣ, а всѣ знатнѣйшіе вельможи окружали его. Оттуда онъ поѣхалъ съ Монархомъ въ Германію, Дрезденъ и Вѣну, присутствовалъ на маскарадѣ, данномъ въ честь сѣвернаго монарха Германскимъ императоромъ; ѣздилъ въ Пресбургъ, Баденъ и другіе города, а вскорѣ потомъ возвратился съ Его Величествомъ въ Россію.

Въ 1699 году, въ бытность свою въ Воронежѣ съ Государемъ для обозрѣнія новаго, строившагося тамъ флота, Меншиковъ узналъ о смерти своего благодѣтеля Лефорта и вмѣстѣ съ Государемъ немедленно воротился въ Москву отдать послѣдній долгъ достойному человѣку.

Смерть Лефорта открыла Меншикову путь къ новымъ высшимъ почестямъ, ибо до того времени онъ всегда оказывалъ Лефорту глубокое почтеніе и, какъ первому благодѣтелю своему, виновнику своего счастія, всегда старался быть истинно признательнымъ.

Пользуясь благоволеніемъ Монарха, Меншиковъ вскорѣ былъ пожалованъ генералъ-маіоромъ, губернаторомъ Псковскимъ и получилъ въ подарокъ многія вотчины. Цѣня

заслуги и дарованія его, Государь почти ни въ чемъ не отказывалъ ему.

Около того же времени Меншиковъ вступилъ въ законный бракъ съ дѣвицею Дарьей Михайловною, изъ древней русской фамиліи Арсеньевыхъ.

Въ 1700 году была объявлена война шведамъ, и Меншиковъ, командовавшій драгунскимъ полкомъ, пошелъ въ походъ. Въ слѣдующемъ году онъ пожалованъ оберъ-гофмейстеромъ царевича, великаго князя Алексѣя Петровича; въ 1702 году германскій императоръ Леопольдъ пожаловалъ Меншикову графское достоинство. Въ томъ же году, по взятіи крѣпости Нотебурга, переименованный Шлиссельбургомъ, какъ-бы *ключъ-городомъ* въ знакъ того, что взятіемъ этой крѣпости отворенъ путь къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, Государь пожаловалъ Меншикова комендантомъ этой крѣпости и кромѣ того губернаторомъ Лифляндскимъ, Корельскимъ и Ингерманландскимъ.

Въ 1702 году, во время войны со шведами, отъ поставленной на берегахъ Финскаго залива стражи получено было извѣстіе о пришедшей къ самому устью Невы швед-

ской эскадрѣ. Неустрашимый Петръ, взявъ съ собою Меншикова съ нѣсколькими гвардейскими солдатами, пустился на тридцати лодкахъ противъ шведской эскадры и завладѣлъ двумя непріятельскими судами. По счастливомъ окончаніи этого отважнаго предпріятія, Меншиковъ пожалованъ орденомъ св. апостола Андрея.

Быстро повышался Меншиковъ, но зато велики были и заслуги его. Преисполненный глубочайшей признательности за всѣ милости Государя, Меншиковъ пришелъ однажды къ Царю и со слезами на глазахъ, въ простыхъ, но тѣмъ болѣе краснорѣчивыхъ словахъ старался выразить ему свою благодарность.

— *Ты симъ мнѣ не долженъ*, *отвѣчалъ Великій Петръ:—возвышая тебя, не о твоемъ счастіи я думалъ, но о пользѣ общей; и еслибъ я зналъ кого достойнѣе тебя, конечно бы тебя не возвысилъ.*

Трудно рѣшить, милые читатели, кому эти слова приносятъ болѣе чести: тому ли, кто произнесъ ихъ, или тому, къ кому они относились.

Около того же времени Петру Великому

пришла геніальная мысль основанія Петербурга. Еще задолго до шведской войны желалъ онъ имѣть на Балтійскомъ морѣ гавань, дабы съ бо́льшимъ успѣхомъ и удобствомъ заняться устройствомъ флота; а потому, какъ скоро Петръ овладѣлъ Невою и окрестною страною, то немедленно приступилъ къ заложенію города и основалъ прежде всего на одномъ берегу Невы крѣпость, а на другомъ адмиралтейство. Самъ же государь жилъ во все время производства работъ въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, и понынѣ стоящемъ на Петербургской сторонѣ, какъ памятникъ величія славнаго основателя сѣверной столицы.

Меншикову, какъ генералъ-губернатору всѣхъ завоеванныхъ у шведовъ земель, былъ порученъ главный надзоръ надъ построеніемъ новаго города, въ его губерніи находящагося; онъ сохранилъ это званіе по самую смерть Петра Великаго.

Сначала построеніе новаго города шло весьма медленно, по причинѣ длившейся войны со шведами; но когда, наконецъ, въ 1709 году, шведскія войска были совершенно разбиты и, слѣдовательно, завоеванные у

Императоръ Петръ Великій.

нихъ города и земли поступили въ окончательное владѣніе Россіи, тогда берега Невы оживились дѣятельностію и жизнію. Вездѣ воздвигались новыя зданія, все шло быстро, живо, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла.

Первою мыслію Петра было заложить городъ на одномъ изъ невскихъ острововъ, а именно на среднемъ, который тогда уже назывался Васильевскимъ. Этотъ пустой островъ до того времени не имѣлъ никакого названія. Выстроивъ же на этомъ островѣ, въ устьѣ рѣки, двѣ баттареи, Государь поставилъ на нихъ команду канонеровъ и бомбардировъ, офицера бомбардирской роты Василія Дмитріевича Корчмина. Такъ какъ всѣ царскіе и другіе приказы, посылаемые къ этому офицеру, были надписываемы такъ: *Василью на островъ*, то впослѣдствіи названіе Васильевскаго было придано и острову.

Намѣреніе Петра было выстроить городъ на Васильевскомъ островѣ на подобіе Амстердама. Черезъ середину острова, по нынѣшнему Большому проспекту, было предположено провести большой каналъ прямою линіею отъ Малой Невки до взморья; на сто

саженъ разстоянія отъ большого канала другой, меньшій; поперекъ острова, отъ Малой Невки до Большой предположено было провести еще двѣнадцать каналовъ, по направленію нынѣшнихъ линій. По большимъ каналамъ должны были проходить изъ Кронштадта суда къ магазинамъ и биржѣ; малые же, поперечные, должны были служить для удобнѣйшаго развоза всѣхъ жизненныхъ потребностей по домамъ. На Большомъ и Маломъ проспектѣ были оставлены мѣста для рынковъ, а на самой почти серединѣ острова предполагался большой общественный садъ, длиною и шириною въ версту.

Планъ этотъ не состоялся по ошибкѣ, сдѣланной въ ширинѣ улицъ, отчего каналы вышли такъ узки, что двѣ барки не могли разъѣхаться въ нихъ.

Меншиковъ, стараясь всячески содѣйствовать благимъ намѣреніемъ своего Монарха, выстроилъ себѣ великолѣпный дворецъ, на берегу Невы, нынѣшній Первый кадетскій корпусъ, и поселился въ немъ со всѣмъ своимъ семействомъ, перевезеннымъ изъ Москвы въ новую столицу.

Между тѣмъ Государь оказывалъ все бо-

лѣе и болѣе почестей своему любимцу. По имянному указу былъ набранъ новый пѣхотный тысячный полкъ изъ людей рослыхъ и видныхъ. Шефомъ этого полка былъ назначенъ Меншиковъ.

Кромѣ того, Государь позволилъ ему имѣть около себя тѣлохранителей или родъ особой стражи изъ собственныхъ людей и на своемъ содержаніи.

Меншикову было поручено построеніе крѣпости, названной Кронштадтомъ. Онъ же выстроилъ дачу, извѣстную подъ названіемъ Ораніенбаума.

Въ исходѣ 1704 года Меншиковъ пожалованъ Нарвскимъ генералъ-губернаторомъ и произведенъ въ генералъ-поручики. Послѣ взятія Митавскаго замка, король Польскій, Августъ возложилъ на Меншикова орденъ Бѣлаго Орла и пожаловалъ его шефомъ Флемминскаго пѣхотнаго полка, который съ того времени переименованъ въ *Князь-Александровскій полкъ.* Австрійскій императоръ Іосифъ I въ то же время прислалъ Меншикову дипломъ на достоинство князя священной Римской имперіи. Въ томъ же 1705 году Петръ Великій назначилъ своего любимца начальникомъ надъ всею конницею.

Осыпаемый со всѣхъ сторонъ высокими наградами, Меншиковъ продолжалъ усердно дѣйствовать въ пользу своего Монарха во все продолженія шведской войны и вмѣстѣ съ тѣмъ не забывалъ и подвластныхъ ему заслуженныхъ людей.

Подъ Калишемъ, на берегу рѣки Пронсы, Меншиковъ одержалъ блистательную побѣду надъ войсками Шведскаго короля Карла XII. По случаю этой побѣды выбита медаль, на одной сторонѣ который изображенъ портретъ Петра, а на другой воинъ на конѣ, представляющій Меншикова; надъ этимъ воиномъ выходитъ изъ облаковъ рука, держащая лавровый вѣнецъ съ надписью: *за вѣру и мужество*.

Въ 1707 году Государь пожаловалъ Меншикова княземъ Ижорскимъ и самъ вручилъ ему дипломъ на этотъ титулъ.

Послѣ великой Полтавской побѣды, къ одержанію которой много содѣйствовалъ Меншиковъ, Государь обнялъ его и, цѣлуя въ голову, съ чувствомъ благодарилъ его за ревностную службу, и вслѣдъ за тѣмъ провозгласилъ его вторымъ генералъ-фельдмаршаломъ.

Въ томъ же 1709 году Петръ Великій имѣлъ свиданіе съ королемъ Прусскимъ; оба Государя обѣдали у князя Меньщикова, на котораго Прусскій король возложилъ орденъ Чернаго Орла.

Въ 1710 году герцогъ Курляндскій объявилъ Россійскому Монарху желаніе вступить въ супружество съ племянницею его величества, дочерью покойнаго брата его Іоанна Алексѣевича, Анною Іоанновною, вступившею впослѣдствіи на Всероссійскій престолъ. Государь съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, и поручилъ князю Меншикову объявить герцогу о своемъ согласіи. По заключеніи договоровъ, бракосочетаніе было совершено въ домовой церкви князя Меншикова и отпраздновано въ домѣ его. Въ первый день былъ у него царскій столъ, а на другой день онъ самъ далъ отъ себя великолѣпный обѣдъ, на которомъ привлекли особое вниманіе два пребольшіе пирога, изъ которыхъ за дессертомъ выскочили карлики и танцовали менуэтъ.

Объявивъ въ 1711 году Оттоманской Портѣ войну, Государь самъ принялъ начальство надъ арміею, а князю Меншикову по-

ручилъ начальство надъ войсками въ Лифляндіи, Ингерманландіи, Финляндіи и Кореліи.

Въ томъ же году Датскій король прислалъ князю Меншикову орденъ Слона, а Государь назначилъ его главнокомандующимъ надъ войсками, посланными въ Померанію, куда Меншиковъ и отправился въ 1712 году. По окончаніи померанскихъ дѣлъ онъ получилъ въ подарокъ отъ Датскаго короля портретъ его величества, осыпанный брилліантами.

Наконецъ, въ 1714 году князь Меншиковъ возвратился въ Петербургъ и послѣ того не участвовалъ уже ни въ одномъ походѣ.

ГЛАВА VIII.

Мать и сынъ.

Князь Меншиковъ достигъ высшихъ степеней знатности, заслуживъ своими дарованіями и преданностью Монарху неограниченную довѣренность его; онъ былъ первое лицо въ государствѣ послѣ Царя, по чинамъ и богатству. Сверхъ того, Петръ Великій, не любя пышности церемоніаловъ, поручилъ ему представлять великолѣпіе своего двора, и къ Меншикову стекались на вечера и балы знатнѣйшіе иностранцы и первыя лица въ государствѣ.

Однажды у Меншикова собралось блистательное общество. Золото, бархатъ и драгоцѣнные камни блистали при свѣтѣ люстръ и свѣчей. Во всемъ видна была роскошь и пышность.

И посреди этого знатнаго богатаго собранія князь Меншиковъ былъ знатнѣе и богаче всѣхъ. Всѣ уважали, всѣ страшились могущественнаго любимца Государя. Знатнѣйшія особы домогались его расположенія, льстили ему, чтобы заслужить только благосклонную улыбку!..

Кто бы узналъ въ знатномъ вельможѣ, въ богатомъ платьѣ, украшенномъ брилліантовыми звѣздами, прежняго пирожника, съ пѣснями разносившаго по улицамъ свой товаръ?..

Шумно пировали гости Меншикова, проворно суетились лакеи, разнося дорогія вина въ драгоцѣнныхъ кубкахъ, какъ вдругъ на порогѣ залы явилась никѣмъ доселѣ незамѣченная и мимо слугъ пробравшаяся старушка.

Она была одѣта бѣдно, но чисто, опрятно.

Съ изумленіемъ остановилась она на порогѣ, ослѣпленная блескомъ свѣчей, пышностью нарядовъ.

Увидавъ старуху, одинъ изъ лакеевъ скоро подскочилъ къ ней.

— Что тебѣ надобно, старуха, спросилъ онъ довольно грубо.

— Я пришла къ князю Меншикову, мнѣ надо видѣть его, отвѣчала старуха.

— Пошла, пошла! возразилъ слуга:—какъ ты смѣла сюда войти! Убирайся поскорѣе, пока не вытолкали!..

И лакей безъ церемоніи схватилъ бѣдную старуху за руку.

Слезы навернулись у нея на глазахъ; горестнымъ взоромъ продолжала она искать кого-то въ раззолоченной толпѣ.

— Да ну!.. пошла же вонъ! повторилъ лакей, толкнувъ бѣдную.

Она хотѣла уже повиноваться, какъ вдругъ взоръ ея упалъ на мужчину красивой наружности, медленно приближавшагося.

— Александръ, сынъ мой! вскричала старуха пронзительнымъ голосомъ.

Меншиковъ вздрогнулъ; смертная блѣдность разлилась по лицу его.

Наступила минута глубокаго молчанія, прерываемаго только рыданіями старухи.

Взоры всѣхъ гостей были съ изумленіемъ обращены на князя и старуху.

Между тѣмъ Меншиковъ оправился и, скоро подойдя къ старухѣ, взялъ ее за руку.

— Это ты матушка! сказалъ онъ съ принужденною радостью:—какъ я радъ тебѣ! Но пойдемъ въ другую комнату, здѣсь намъ нельзя спокойно поговорить... Извините, господа, прибавилъ онъ, обратившись къ гостямъ:—я сейчасъ ворочусь; мнѣ надобно поговорить съ этой доброй старушкой.

И съ этими словами онъ почти насильно увелъ ее въ другую комнату.

Бѣдная старуха не приходила въ себя отъ горестнаго изумленія.

Такой ли встрѣчи ожидала она отъ нѣжно любимаго сына, съ которымъ давно, давно не видалась?.. Вмѣсто того, чтобы броситься, къ ней на шею, онъ принялъ ее съ холодною учтивостью, неискреннею радостью!..

— Матушка, тебя ли я вижу! вскричалъ Меншиковъ въ другой комнатѣ, гдѣ уже любопытные, нескромные взгляды не оковывали сердца его; и съ сыновнею нѣжностью поцѣловалъ онъ морщинистую руку старухи.

Одна ласка возлюбленнаго сына успокоила, утѣшила бѣдную мать. Проливая слезы радости, обхватила она обѣими руками голову своего Александра и съ нѣжностью стала цѣловать ее.

— Другъ мой, говорила она прерывающимся отъ слезъ голосомъ:—прости!.. прости мнѣ, что я осмѣливаюсь безпокоить тебя...

— Помилуй, матушка!..

Нѣтъ, не говори, сынъ мой, не говори!.. Я глупая, необразованная старуха... мнѣ не слѣдовало входить прямо къ твоимъ гостямъ... Прости мнѣ, мой милый Александръ!.. Но, право... я сама не знала, что дѣлала... сердце мое сильно билось... Я думала только о тебѣ... о свиданіи съ тобою.. Не правда ли, ты не сердишься на меня?

— Любезная матушка, еслибъ ты знала, какъ я радъ... отвѣчалъ Меншиковъ, въ сердцѣ котораго нѣжная, безкорыстная привязанность матери пробудила раскаяніе:— но присядь, присядь, продолжалъ онъ, подводя ее къ мягкому креслу,—ты, вѣроятно, устала...

Старуха опустилась въ кресло и осмотрѣлась съ изумленіемъ.

— Ахъ, Александръ, сказала она: — какъ ты богато живешь!..

— По милости моего благодѣтеля, Государя Петра Алексѣевича, отвѣчалъ Меншиковъ: — но скажи мнѣ, милая матушка, ка-

кимъ образомъ ты здѣсь въ Петербургѣ? Ты ничего не писала мнѣ о твоемъ намѣреніи выѣхать изъ Москвы.

— Сынъ мой, отвѣчала старуха, — сердце одолѣло; давно, давно я тебя не видала, а между тѣмъ я старѣюсь... Скоро придется мнѣ разстаться съ жизнію и предстать предъ судъ Всевышняго...

— О, матушка! Не говори этого...

— Отчего же не говорить, милый Александръ? Я довольно пожила на свѣтѣ... Господь наградилъ меня высокимъ счастіемъ, избравъ моего единственнаго сына и поставивъ его на высокую степень величія! Повторяю тебѣ, сердце одолѣло... мнѣ хотѣлось еще разъ увидаться съ тобою передъ смертію... Посмотрѣть на тебя... Скажи, мой родимый, простишь ли ты мнѣ, что я поступила такъ, не предувѣдомивъ тебя?

— Благодарю, моя родная, за любовь. Мнѣ самому слѣдовало бы ѣхать къ тебѣ; но у меня такъ много дѣлъ... Я такъ-занятъ... Но вѣдь ты пріѣхала въ Петербургъ не на долгое время?.. спросилъ Меншиковъ съ боязненнымъ ожиданіемъ.

Болѣзненно отозвались послѣднія слова

Меншикова въ сердцѣ бѣдной матери его. Она пріѣхала въ Петербургъ съ надеждой, что сынъ не отпуститъ ее обратно, что онъ оставитъ ее у себя, что она проживетъ остатокъ дней своихъ въ кругу его семейства; а между тѣмъ онъ уже съ перваго свиданія спрашивалъ, надолго ли она пріѣхала!

У Меншикова было не злое сердце, но увы! и на людей самыхъ благородныхъ, самыхъ великодушныхъ, мнѣніе свѣта имѣетъ сильное вліяніе.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ могущественный князь стыдился признаться въ своемъ низкомъ происхожденіи, боясь подвергнуться насмѣшкамъ свѣта. Онъ всячески старался доказать, что онъ дворянскаго происхожденія.

Странный предразсудокъ! Люди стыдятся того, чѣмъ должны бы гордиться. Не почетнѣе ли для Меншикова было то обстоятельство, что, несмотря на свое низкое происхожденіе, онъ достигъ до такихъ почестей?...

Всему этому причиной ложныя, но, къ сожалѣнію, слишкомъ укоренившіяся понятія о чести.

Конечно, можно гордиться заслугами сво-

ихъ предковъ, но не должно основывать на нихъ *всей* своей гордости. Только бездарность и невѣжество, не имѣя собственныхъ заслугъ, стараются прикрыть свое ничтожество чужими.

Грустно покачала бѣдная старуха головой и отвѣчала:

Я пріѣхала дня на два, на три, не болѣе... Я не хочу докучать тебѣ.

— Такъ мы еще увидимся... Тебѣ нуженъ отдыхъ... Я велю отвести тебѣ особый покой...

— Зачѣмъ тебѣ безпокоиться? Я остановилась здѣсь въ Петербургѣ у старыхъ знакомыхъ, съ радостью принявшихъ меня къ себѣ... отвѣчала мать Меншикова.

— Такъ я велю отвезти тебя домой, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ торопиться? Я не устала... дай мнѣ еще полюбоваться тобой... дай мнѣ насмотрѣться на тебя, съ любовью сказала старуха.

— Милая матушка, съ замѣшательствомъ возразилъ Меншиковъ:—я бы радъ просидѣть съ тобою до зари... но у меня гости... Я не могу оставить ихъ однихъ, это невѣжливо...

Старуха съ трудомъ удержала вздохъ, готовый вырваться изъ груди ея.

— Да, да, сказала она, стараясь казаться спокойною и скрыть душевную скорбь: иди... Я глупая старуха... Я забываю, что ты, по теперешнему своему званію, долженъ быть для всѣхъ... Иди, сынъ мой, да благословить тебя Господь!

— Завтра мы увидимся, не правда ли, милая матушка? сказалъ Меншиковъ; я пріѣду самъ къ тебѣ... Теперь же прощай... Я велю отвезти тебя въ своей каретѣ...

— Не безпокойся, Александръ; я добреду и пѣшкомъ... Прощай, мой родимый... Но позволь мнѣ попросить тебя еще объ одномъ... Неужели ты не познакомишь меня съ своей женой, съ дѣтками?..

Меншиковъ смутился болѣе прежняго.

— Дѣти ужъ спятъ, сказалъ онъ: — а жена занята гостями... но завтра, завтра... ты увидишь всѣхъ...

Старуха встала.

Какими радостными надеждами было преисполненно сердце ея, когда она входила въ домъ сына, и какъ тяжко было у нея на

сердцѣ, когда она собиралась уйти изъ этого дома.

Прощаясь съ своимъ Александромъ, она нѣжно благословила его.

Меншиковъ воротился къ гостямъ.

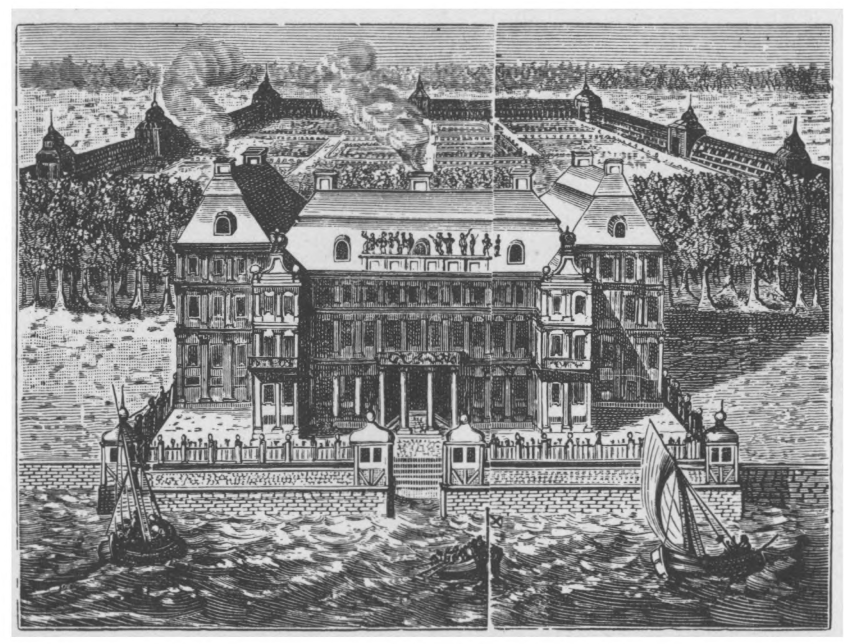
— Позвольте поздравить васъ съ пріѣздомъ ея сіятельства, вашей матушки, насмѣшливо сказалъ князь Долгорукій, одинъ изъ гостей Меншикова, втайнѣ завидовавшій его счастію.

— Ошибаетесь, ваше сіятельство, — отвѣчалъ онъ сухо: — это не мать, а кормилица моя! Она по старой привычкѣ называетъ меня сыномъ.

Меншиковъ внутренно раскаявался въ этихъ словахъ: они раздирали душу его, когда онъ произносилъ ихъ... свѣтскій предразсудокъ, ложный стыдъ заставили его отречься отъ родной матери!..

А она, бѣдная, возвращалась между тѣмъ къ себѣ въ великолѣпной княжеской каретѣ, бархатныя подушки которой, быть можетъ, впервые оросились горькими слезами...

Искренно раскаяваясь въ своемъ поступкѣ, Меншиковъ въ слѣдующіе дни старался исправить это, оказывая доброй матери

Домъ князя Меншикова въ С.-Петербургѣ.

нѣжнѣйшую попечительность, и бѣдная старуха была вдвойнѣ счастлива, встрѣтивъ въ женѣ Меншикова кроткую, милую дочь, обходившуюся съ нею почтительно, и въ дѣтяхъ его прелестныхъ внучатъ.

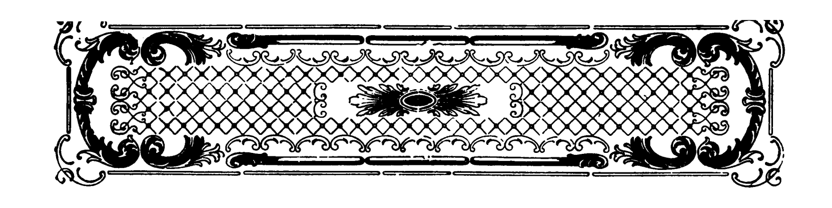
Сбылось желаніе старушки... желаніе провести остатокъ дней своихъ съ возлюбленнымъ сыномъ.

Вдали отъ взоровъ свѣта, Меншиковъ могъ дать волю своимъ чувствамъ, могъ вполнѣ выказать матери, сколько онъ любилъ ее, и, счастливая привязанностью сына, добрая старушка, нѣсколько недѣль спустя послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, на рукахъ сына скончалась и перешла въ лучшій міръ...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧЕСТОЛЮБІЕ и КОРЫСТОЛЮБІЕ.

ГЛАВА IX.

Избытокъ счастья.

Мы уже видѣли, что Меншиковъ достигъ высочайшей степени знатности и богатства...

Но былъ ли онъ счастливъ?

Изъ слѣдующаго вы сами, милые читатели, можете вывесть свои заключенія и отвѣтить на этотъ вопросъ.

Слушайте:

Человѣческая натура уже такъ создана, что она *никогда* не довольна и не перестаетъ желать себѣ новаго приращенія счастія. Какъ бы ни было велико и блистательно *достигнутое* счастіе, но оно перестаетъ прельщать человѣка именно потому, что *достигнуто.*

Чѣмъ болѣе *имѣютъ* нѣкоторые люди, тѣмъ болѣе они *желаютъ.*

Честолюбіе Меншикова было вполнѣ удов-

летворено: окончивъ всѣ свои воинскія дѣйствія въ 1714 году, онъ почти постоянно оставался въ Петербургѣ, и, живя въ нѣдрахъ покойной пышности, не могъ уже ожидать чего-либо отъ Государя, щедро награждавшаго всѣ заслуги его.

Тогда съ большею силою пробудилось въ немъ *корыстолюбіе.*

Онъ устремилъ всѣ свои желанія къ пріобрѣтенію новыхъ богатствъ. Къ несчастію, корыстолюбіе такая злополучная страсть, которая не выбираетъ средствъ и большею частію стремится къ своей цѣли *какими бы то ни было* путями.

Сожалѣнія достойны крайности, въ которыя пускался Меншиковъ, слѣпо стремясь къ обогащенію, не могли, однакожъ, остаться безъ наказанія.

Во первыхъ, его мучили угрызенія собственной совѣсти; во вторыхъ, онъ навлекъ себѣ множество враговъ.

Скажите же послѣ этого, былъ ли счастливъ знатный вельможа, осыпанный почестями, милостями своего Государя и незнавшій почти счета своимъ богатствамъ?..

Нѣтъ, милые читатели, не завидуйте мни-

мому счастливцу; не все то золото, что блеститъ.

Получивъ отъ Монарха, какъ мы уже сказали, порученіе представлять пышность Русскаго двора, Меншиковъ не могъ вести спокойной жизни, каждый почти день онъ либо принималъ у себя гостей, либо самъ выѣзжалъ въ гости.

Поздно ночью онъ возвращался въ свою великолѣпную спальню, усталый, измученный, недовольный самимъ собою и людьми.

Молча, угрюмо, какъ безжизненная кукла, поворачивался онъ въ рукахъ раздѣвавшаго его камердинера, который, исполнивъ свое дѣло, также молча и церемоніально кланялся и уходилъ.

Оставшись одинъ, Меншиковъ прохаживался взадъ и впередъ по своей спальнѣ. Послѣ шумныхъ бесѣдъ веселости, большею частію принужденной, въ уединеніи имъ овладѣвали мрачныя мысли.

Онъ обдумывалъ, какъ провелъ прошедшій день: успѣшно ли было постоянное стремленіе его къ увеличенію его могущества и богатства: удалось ли ему низвергнуть кого-либо изъ своихъ враговъ; упрочилъ ли онъ за собою милость своего Государя?

Онъ пріискивалъ средства увеличить свое вліяніе, скрыть отъ Государя нѣкоторые весьма важные проступки и обезоружить своихъ враговъ.

Однихъ онъ мысленно лишалъ должностей, имущества, свободы, другихъ отсылалъ въ Сибирь.

Тысячи подобныхъ мыслей волновали умъ его.

Но время проходило: Меншиковъ ложился на мягкую пуховую постель...

Онъ крестился... уста его произносили молитву...

Но отчего взоръ его такъ разсѣянно смотритъ на иконы, какъ-бы не видитъ ихъ?.. Отчего рука его машинально, какъ-бы по привычкѣ, творитъ крестное знаменіе?

Неужели молитва его не искренна?

Нѣтъ, онъ и желалъ бы молиться усердно, изъ глубины души, но тысячи мыслей, волнующихъ умъ его, тысячи страстей, бушующихъ въ сердцѣ его, не позволяютъ ему обратиться на одинъ предметъ; притомъ же многіе, очень многіе люди такъ созданы, что только въ минуту бѣдствія и горести прибѣгаютъ къ Всевышнему съ искреннею, теплою молитвою...

Впрочемъ, это весьма пріятно: къ кому жмется ребенокъ въ минуту страха, какъ не къ матери?..

Но вотъ все тихо въ комнатѣ знатнѣйшей послѣ Царя особы въ Русскомъ царствѣ; только лампада теплится предъ иконами, да слышится тяжелое дыханіе спящаго....

Но спитъ ли Меншиковъ? Спитъ ли онъ подкрѣпительнымъ сномъ трудолюбиваго земледѣльца, исполнившаго дневную работу?..

Правда, тѣло его казалось погруженнымъ въ глубокій сонъ, но душа продолжала бодрствовать, борясь съ мрачными, тягостными сновидѣніями.

То ему казалось, что онъ впалъ въ немилость, что враги его торжествовали; изгнаніе, смерть угрожали ему; передъ нимъ раскрывалась страшная крѣпость; что-то непобѣдимое влекло его туда: тщетно старался онъ остановиться; упереться во что-нибудь... его все влекло, влекло... не за что ухватиться... Онъ катился, какъ по гладкому льду!.. И тогда болѣзненные стоны, вырывавшіеся изъ груди его, прерывали ночную тишину, и пробудившійся камердинеръ, спав-

шій въ передней, боязливо прислушивался къ нимъ.

Мало подкрѣпленный, съ тягостнымъ ощущеніемъ въ сердцѣ, утомленіемъ во всѣхъ членахъ, просыпался Меншиковъ.

Ни радостный крикъ дѣтей, ни сердечныя ласки жены не привѣтствовали пробужденія его.

На серебряномъ подносѣ, въ великолѣпной драгоцѣнной посудѣ, приносилъ ему слуга завтракъ.

Потомъ Меншиковъ отправлялся на другую половину дворца своего, въ которой были покои жены и дѣтей его.

Первая встрѣчала его ласково, но озабоченный видъ вельможи, отягченнаго дѣлами. останавливалъ всякое изліяніе душевной привязанности. Дѣти почтительно цѣловали руки отца. Рѣдко видя его, они хотя и питали къ нему дѣтскую любовь, но въ ней не было той увлекательной довѣрчивости, той нѣжности, которая составляетъ всю прелесть этой любви.

Наконецъ, наступило время заняться дѣлами. Сколько непріятностей, досадъ встрѣчалъ онъ тогда! Сколько злоупотребленій возмущали душу его! Со сколькими закоре-

нѣлыми, вѣковыми предразсудками долженъ онъ былъ бороться!..

Цѣлый день преслѣдовали Меншикова просители: одни искали мѣстъ, другіе просили о воспомоществованіи, третьи о помилованіи. Всѣхъ невозможно было удовлетворить — и число враговъ знатнаго вельможи возростало.

Какія усилія долженъ былъ употреблять Меншиковъ, чтобы сохранить доброе расположеніе своего Государя. Враги его дѣйствовали неутомимо, и, къ сожалѣнію, Меншиковъ долженъ былъ страшиться ихъ! Тщетно отсылалъ онъ многихъ въ Сибирь. За одного отосланнаго онъ пріобрѣталъ двухъ новыхъ враговъ. Онъ стоялъ на огнедышущей горѣ, ежеминутно готовой поглотить его!..

Вотъ, милыя дѣти, жизнь вельможи, на котораго всѣ смотрѣли съ завистью, котораго всѣ считали вполнѣ счастливымъ, и подъ улыбкой котораго немногіе, весьма немногіе, угадывали глубокую душевную скорбь.

Но поняли ли вы меня, милыя дѣти? Поняли ли вы причину скорби Меншикова?..

Не величіе тяготѣло надъ нимъ, не государственныя заботы наполняли горечью жизнь его, нѣтъ!.. Высока обязанность человѣка,

отъ котораго зависитъ судьба милліоновъ людей; легки и пріятны государственныя заботы тому, кто дѣйствуетъ безкорыстно и для общаго блага!

Но я уже говорилъ вамъ, что въ Меншиковѣ пробудилось ненасытное корыстолюбіе и что онъ употреблялъ предосудительныя, даже преступныя мѣры къ обогащенію себя.

Очень пріятно, что послѣ этого его мучили угрызенія совѣсти; сдѣлавшись недостойнымъ милостей своего благодѣтеля, Царя, онъ страшился лишиться ихъ...

Наконецъ, чаша переполнилась.

Другіе вельможи, возмущенные преступными поступками Меншикова, рѣшились донести о нихъ Государю.

Негодованіе и вмѣстѣ горесть овладѣли сердцемъ Монарха. Меншикова обвиняли въ томъ, что онъ тайно, подъ чужимъ именемъ, входилъ въ казенные подряды на поставку хлѣба; деньги взялъ, а хлѣба не доставилъ.

Государь назначилъ Коммиссію, подъ предсѣдательствомъ князя Василія Владиміровича Долгорукова, для строгаго изслѣдованія этого дѣла.

ГЛАВА X.

Милостивъ судъ царя.

Задумчивъ и печаленъ сидѣлъ Государь въ своей токарнѣ.

Петръ Великій очень любилъ токарное искусство. Долговременнымъ упражненіемъ въ этомъ искусствѣ онъ достигъ большого совершенства въ немъ, чему служатъ доказательствомъ многія работы, находящіяся въ Кунсткамерѣ и въ Эрмитажѣ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ большое паникодило изъ слоновой кости, удивительной работы, въ С.-Петербургской крѣпости.

У Петра Великаго во дворцѣ былъ особый покой, опредѣленный собственно для токарни и установленный станками разныхъ родовъ и формъ.

Итакъ, я уже сказалъ, что Петръ сидѣлъ задумчивъ и печаленъ въ своей токарнѣ.

Не шумѣло колесо станка, не сыпались мелкіе опилки съ пальмоваго дерева, плотно сжатаго въ тискахъ. Государь сидѣлъ, опустивъ голову и машинально расщепливая острымъ инструментомъ кусокъ дерева.

Петръ Великій грустилъ, помышляя о преступленіяхъ человѣка, столь нѣжно любимаго имъ, человѣка, взятаго изъ ничтожества и возведеннаго на такую высокую степень величія и могущества.

Дверь тихо отворилась.

Государь быстро оглянулся. Въ токарню вошелъ князь Долгорукій, съ бумагами на рукахъ, и почтительно поклонился.

— А, это вы, князь Василій! сказалъ Петръ:—добро пожаловать! Что хорошаго?

— Хорошаго мало, Государь, отвѣчалъ Долгоруковъ.

Петръ нахмурился, промолчалъ нѣсколько минутъ, потомъ спросилъ отрывисто.

— Что Коммиссія?

— Разобрала все дѣло добросовѣстно, Государь.

— И чтò?

— Нашла князя Александра Даниловича кругомъ виноватымъ.

Государь вскочилъ, съ сердцемъ воткнулъ острый инструментъ въ дерево и, сложивъ руки на спинѣ, сталъ прохаживаться молча по комнатѣ. Наконецъ, онъ остановился передъ Долгоруковымъ и, пристально смотря ему въ глаза, произнесъ строго:

— Князь Василій, я знаю, что ты не любишь Меншикова! Я знаю, что вы всѣ давно подкапываетесь подъ него... Горе вамъ, если я найду ваше рѣшеніе пристрастнымъ, несправедливымъ!

— Государь, отвѣчалъ Долгорукій со спокойнымъ достоинствомъ: — изволь разсмотрѣть ходъ дѣла, производство его и наше заключеніе.

— Хорошо, читай! сказалъ Государь, пошелъ къ двери и заперъ ее на замокъ — Читай: повторилъ онъ, сѣвъ къ станку, и, подперевъ голову ладонью, приготовился слушать.

Въ подробномъ, ясномъ очеркѣ Долгорукій прочиталъ всѣ преступленія Меншикова. Государь слушалъ молча и по временамъ грустно покачивалъ головою.

Кончивъ чтеніе, Долгорукій поклонился и сказалъ.

— Теперь, Государь, все зависитъ отъ твоего рѣшенія.

Петръ молчалъ.

Если вы, милыя дѣти, читали исторію Великаго преобразователя Россіи, то знаете, какъ строго Петръ наблюдалъ правосудіе и какъ не терпѣлъ отлагательства въ справедливомъ наказаніи преступниковъ. Слѣдовательно, вы можете изъ этого понять, какъ онъ любилъ Меншикова, когда и при явномъ, неоспоримомъ уличеніи его не могъ рѣшиться подвергнуть его заслуженному наказанію.

— Государь, продолжалъ Долгорукій: — преступленія Меншикова отъ того непростительнѣе, что едва ли другой человѣкъ въ мірѣ былъ осыпанъ такими милостями своего Монарха?..

— Не тебѣ, князь, судить меня съ Данилычемъ, отвѣчалъ Петръ строго;—а судить насъ съ нимъ будетъ Богъ!

Видя борьбу, происходящую въ сердцѣ Государя, между любовію къ вельможѣ и любовію къ правосудію, Долгорукій сказалъ.

— Государь, мы всѣ знаемъ заслуги князя Александра Даниловича, мы знаемъ; что не слѣпое счастіе, а твоя премудрая воля воз-

Петръ Великій спасаетъ утопающихъ на Лахтѣ.

вела его на высокую степень, которой онъ теперь сдѣлался недостоинъ. Напрасно ты, Государь, изволилъ говорить, что мы завидуемъ Александру Даниловичу и подкапываемся подъ него... напрасно! Всѣ наши усилія имѣютъ только цѣлію возвратить тебѣ вѣрнаго слугу. Прости мнѣ мою дерзость, Государь, и выслушай слѣдующее предложеніе: вели казнить не Меншикова, но помощника и совѣтника его Корсакова, однакожъ предъ глазами Александра Даниловича, дабы онъ, страшась подобной же участи, не отважился бы впередъ огорчать своего Государя и благодѣтеля недостойными поступками.

Государь все сидѣлъ въ раздумьи.

— Я самъ знаю, что̀ мнѣ дѣлать, отвѣчалъ онъ, наконецъ: — и обдумаю это дѣло лучше твоего. Прочитай еще разъ ваше рѣшеніе.

Едва Долгорукій сталъ читать, какъ кто-то робко постучался въ дверь.

— Кто тамъ? гнѣвно вскричалъ Царь, не любившій, чтобы ему мѣшали, когда онъ былъ занятъ дѣлами.

Отвѣта не было.

— Кто тамъ? повторилъ Петръ, вскочилъ, пошелъ къ двери и скоро отворилъ ее.

Государь невольно отступилъ, увидѣвъ на порогѣ своего любимца, блѣднаго и разстроеннаго.

Какъ-бы желая угадать свой приговоръ по лицу Царя, Меншиковъ устремилъ на него умоляющій взоръ.

— Кто тебѣ позволилъ войти сюда безъ позволенія? съ гнѣвомъ вскричалъ Государь.

Меншиковъ упалъ на колѣни и, простирая къ Царю руки, произнесъ умоляющимъ голосомъ:

— Помилуй, Государь! отдаюсь во всемъ въ волю и милосердіе твое! Помилуй и защити! Не дай врагамъ и злодѣямъ моимъ погубить меня!

Государь не успѣлъ еще сказать слова, какъ князь Долгорукій отвѣчалъ виноватому:

— Александръ Даниловичъ? дѣло твое разсматривалъ и судилъ я съ членами Коммиссіи, а не злодѣи и враги твои; самое дѣло, безъ приговора нашего, обличаетъ тебя въ похищеніи казенныхъ денегъ, а потому жалоба твоя крайне несправедлива.

— Ни ты, ни члены Коммиссіи не разсмотрѣли дѣла съ надлежащей точки, а судили меня по злымъ навѣтамъ моихъ враговъ! вскричалъ Меншиковъ: — но я полагаюсь на правосудіе моего Государя!..

— Государь, перебилъ слова его Долгорукій, обратившись къ Царю:—позволь мнѣ не слышать болѣе оскорбительныхъ обвиненій князя Александра Даниловича и соблаговоли дать рѣшеніе.

— Отнеси дѣло къ себѣ, отвѣчалъ Государь:—я займусь имъ въ другое время.

Долгорукій поклонился и вышелъ.

Меншиковъ, опустивъ голову, все еще стоялъ на колѣняхъ.

Петръ, закинувъ руки на спину, опять сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ; наконецъ, онъ остановился передъ Меншиковымъ, посмотрѣлъ на него и сказалъ:

Данилычъ, за что ты меня огорчаешь?

Слезы полились изъ глазъ Меншикова; не будучи въ состояніи сказать слова, онъ хотѣлъ схватить руку Государя, но тотъ оттолкнулъ его и вскричалъ съ гнѣвомъ:

— Неужели я ошибся въ тебѣ? Неужели

моя любовь не облагородила твоего подлаго, рабскаго сердца?.. Неужели князь Меншиковъ остался тѣмъ же мужикомъ, не понимающимъ, что подобною жадностью, подобною корыстью человѣкъ унижаетъ себя? О! теперь я виню самого себя, что возвелъ недостойнаго на такую высокую степень могущества!.. Встань, я возвысилъ тебя до званія друга Царя, а ты самъ своими поступками унизился.

— Помилуй, Государь!

— Прочь съ глазъ моихъ!.. Ты нѣкогда спасъ мнѣ жизнь, ты дѣйствовалъ въ пользу Россіи, согласно моимъ намѣреніямъ, и за это снискалъ мою признательность и любовь, но теперь ты обманулъ меня, ты употребилъ во зло мою довѣренность, возбудилъ противъ себя негодованіе народа — за добро я заплатилъ тебѣ милостью, за милость ты отплатилъ мнѣ зломъ... теперь мы квиты! Прочь съ глазъ моихъ!

— Государь...

— Прочь, недостойный! вспыльчиво вскричалъ Петръ.

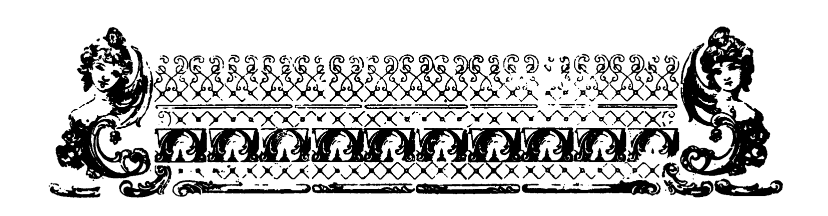
Зная, что Государь не терпѣлъ противорѣчія, Меншиковъ поспѣшно всталъ, отеръ слезы и вышелъ изъ токарни.

Съ грустію смотрѣлъ Великій Государь вслѣдъ своему любимцу; потомъ, какъ-бы желая разсѣять и розогнать печальныя мысли, онъ сѣлъ къ токарному станку и принялся за работу; но она шла какъ-то медленно...

Колесо стало вертѣться тише и тише, и слезинка выкатилась изъ глазъ твердаго, непоколебимаго и неустрашимаго Петра.

Такъ глубоко тронула его неблагодарность человѣка, искренно любимаго имъ!

ГЛАВА XI.

Еще судъ.

Первая неудача не обезоружила враговъ Меншикова.

Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ князя Долгорукова, продолжала свои слѣдствія, и вскорѣ открыла еще нѣкоторыя другія преступленія Меншикова, такого-же рода.

Государь, крайне огорченный этимъ, присовокупилъ къ Коммиссіи новыхъ судей, избранныхъ имъ изъ капитановъ обоихъ полковъ своей гвардіи.

Эти безпристрастные судьи нашли Меншикова во многомъ виноватымъ, и опредѣлили допросить его лично.

Въ назначенный день, самъ Государь пріѣхалъ въ собраніе Коммиссіи.

Меншиковъ, чувствуя и сознавая свою вину, рѣшился прибѣгнуть къ надежнѣйшему

средству, то есть къ раскаянію и предать себя милосердію Царя. Для этого онъ написалъ *повинную*, то есть прошеніе о помилованіи, и взялъ ее съ собою въ судъ.

Коммиссія собралась; самъ Государь, какъ мы уже сказали, присутствовалъ въ собраніи.

Позвали Меншикова.

Опустивъ голову на грудь, съ покорнымъ видомъ раскаивающагося преступника вошелъ онъ въ залу.

— Государь, сказалъ онъ, подойдя прямо къ Царю: — много виноватъ я предъ твоею милостію; велики преступленія мои; накажи меня, подлаго раба твоего! накажи примѣрно, но прочти мое извиненіе и сжалься надо мною... не изгоняй меня отъ себя! Позволь мнѣ служить тебѣ и новою службою сдѣлаться опять достойнымъ твоихъ милостей!..

Слова эти тронули Петра; при томъ-же заслуги князя и сердце Государя были ходатаями за него.

Петръ взялъ бумагу изъ рукъ своего любимца и молча сталъ читать ее; по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, лицо его становилось угрюмымъ; наконецъ, не вытерпѣвъ,

онъ произнесъ вполголоса и съ неудовольствіемъ:

— *Э, братъ! И того-то не умѣлъ написать!*— схватилъ перо и сталъ поправлять бумагу, написанную Меншиковымъ.

Члены Коммиссіи съ изумленіемъ смотрѣли другъ на друга. Одинъ изъ нихъ, молодой еще, но уже заслуженный капитанъ, всталъ со своего мѣста, взялъ шляпу и, обращаясь къ другимъ членамъ, своимъ товарищамъ сказалъ:

— Пойдемте, братцы; намъ здѣсь дѣлать нечего.

И съ этими словами пошелъ къ двери.

Петръ Великій гордо поднялъ голову грозно взглянулъ на капитана и спросилъ громко:

— Куда это?

— Домой, смѣло отвѣтилъ капитанъ.

— Домой? Когда я здѣсь?.. спросилъ Петръ.

— Что намъ здѣсь дѣлать, возразилъ капитанъ,—когда ты самъ научаешь преступника, какъ ему отвѣчать?

Грозно насупились брови Монарха; страшно сверкнули глаза его... но это была одна

молнія. Спокойное, но почтительное выраженіе лица молодого капитана тотчасъ-же обезоружило Петра.

— Сядь на свое мѣсто, сказалъ онъ ласково капитану:—и говори, что ты думаешь. Тебѣ, какъ младшему члену, приходится первому излагать свое мнѣніе.

Капитанъ поклонился, вернулся на свое мѣсто и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Такъ какъ мы, по твоей волѣ, здѣсь, судьи, то бумагу, поданную тебѣ, Государь, должно прочитать всѣмъ намъ вслухъ, а Меншикову, какъ обвиняемому, стать у дверей; по прочтеніи-же бумаги выслать его вонъ. Только тогда я, какъ младшій членъ, долженъ буду первый оговаривать его бумагу и сказать, по своему убѣжденію, чего онъ достоинъ; потомъ каждый, по очереди, скажетъ свое мнѣніе.

Государь выслушалъ снисходительно; потомъ, обратившись къ своему любимцу, сказалъ:

— Слышишь, Данилычъ, какъ должно поступать?

Меншиковъ молча поклонился и сталъ у дверей.

Повинная его прочтена вслухъ; потомъ ему приказали выдти.

Капитанъ всталъ и изложилъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ:

— Первый въ государствѣ вельможа, взысканный несказанною милостію Царя, долженъ бы служить намъ всѣмъ образцомъ въ вѣрномъ храненіи законовъ и въ безпорочной Царю и отечеству службѣ; но такъ какъ онъ самъ сдѣлался преступникомъ, обманулъ тебя, Государь, и притѣснялъ народъ, то, согласно своему высокому званію, заслуживаетъ и примѣрнаго наказанія, въ примѣръ всѣмъ другимъ: *ибо рабъ, вѣдый больше волю господина своего, и не сотворивый по волѣ его, и біенъ долженъ быть больше!*—Итакъ, по моему мнѣнію, сказалъ капитанъ въ заключеніе: — ему должно публично отсѣчь голову, а имѣніе его описать въ казну!

Глубокое молчаніе наступило въ собраніи послѣ этихъ словъ.

— Пусть говоритъ слѣдующій, сказалъ Монархъ.

Мнѣнія другихъ судей были болѣе или менѣе строги: самое легчайшее изъ нихъ было то, чтобъ безъ наказанія сослать Меншикова въ ссылку.

Выслушавъ всѣ мнѣнія, Великій Государь сказалъ судьямъ:

— Гдѣ дѣло идетъ о жизни или чести человѣка, тамъ правосудіе требуетъ взвѣсить на вѣсахъ безпристрастія, какъ преступленіе его, такъ и заслуги, оказанныя имъ отечеству и Государю: *и буде заслуги перевѣсятъ преступленія, въ такомъ случаѣ милость должна хвалиться на судѣ.* Никто изъ васъ не скажетъ, что я награждалъ Меншикова свыше заслугъ его; вамъ всѣмъ извѣстно, что не только онъ спасъ мнѣ жизнь, но оказалъ большую пользу отчизнѣ. Итакъ, по мнѣнію моему, довольно будетъ сдѣлать ему здѣсь въ присутствіи строгій выговоръ *и наказать его денежнымъ штрафомъ, соразмѣрнымъ хищенію; а онъ мнѣ и впредь нуженъ, и можетъ еще сугубо заслужить оное.*

Выслушавъ рѣчь Государя, младшій членъ опять всталъ:

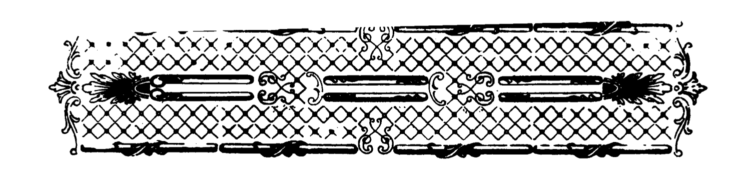
— Мы всѣ, сказалъ онъ, — согласны съ твоею волею, Государь. Такъ какъ князь Меншиковъ имѣлъ счастіе спасти твою драгоцѣнную для насъ жизнь, то и мы должны, по справедливости, спасти жизнь его. Я первый объявляю полное согласіе на твой приговоръ.

Другіе члены подтвердили то-же.

Тогда-же на докладѣ, поданномъ Коммиссіею Государю, онъ подписалъ рѣшеніе, которымъ налагался на Меншикова значительный денежный штрафъ.

Не смотря на всѣ эти преступленія, между которыми открыто и самовольное, неоднократное присвоеніе казенныхъ денегъ, Государь, зная личныя достоинства Меншикова и уважая прежнія заслуги его, не переставалъ поручать ему самыя важныя дѣла, хотя прежняя, почти неограниченная довѣренность его къ нему и уменьшилась.

ГЛАВА XII.

Несчастное корыстолюбіе.

Кто бы подумалъ, что послѣ описаннаго нами суда и милостиваго рѣшенія Государя Меншиковъ опять отважится на новое преступленіе подобнаго рода?

Но корыстолюбіе влекло его къ гибели.

Меншиковъ былъ почти богатѣйшимъ человѣкомъ во всемъ государствѣ. Не считая огромныхъ суммъ денегъ, у него было множество волостей и деревень и 50.000 душъ крестьянъ. Не смотря на то, онъ самовольно и противозаконными мѣрами отнималъ у своихъ сосѣдей земли, принималъ къ себѣ бѣглыхъ крестьянъ, словомъ, дѣлалъ всякія несправедливости, единственно изъ желанія болѣе и болѣе обогатить себя.

Опять была подана на него жалоба Государю и опять преступленія его доказаны.

Тогда Меншиковъ снова рѣшился прибѣгнуть къ Его Величеству съ повинною слѣдующаго содержанія:

«Всемилостивѣйшій Государь!»

«Понеже отъ младыхъ моихъ лѣтъ воспитанъ я при «Вашемъ Величествѣ и всегда имѣлъ и нынѣ имѣю Ва«шего Величества превысокую отеческую ко мнѣ милость, «и чрезъ премудрое Вашего Величества отеческое ко мнѣ «призрѣніе наученъ и награжденъ, какъ рангами, такѣ «и деревнями и прочимъ имѣніемъ, паче моихъ сверст«никовъ, и нынѣ признаю свою предъ Вашемъ Величе«ствомъ вину, и ни въ чемъ по тому дѣлу оправдаться «не могу, но во всемъ у Вашего Величества всенижай«ше слезно прошу милостиваго прощенія и отеческаго «разсужденія, понеже кромѣ Бога и Вашего Величества «превысокой ко мнѣ милости, иного никакого не имѣю «надѣянія и отдаюсь во всемъ въ волю и милосердіе «Вашего Величества».

Но какъ ни было убѣдительно это письмо, однакожъ оно не привлекло вниманія Государя, потому что раскаяніе Меншикова было позднее и вынужденное обстоятельствами. Онъ долженъ былъ возвратить несправедливо забранныя земли, заплатить за убытки, понесенные по сему случаю владѣльцами ихъ, и разослать на свой счетъ болѣе 30.000 бѣг-

лыхъ крестьянъ, оказавшихся у него сверхъ 50.000, ему принадлежащихъ, къ прежнимъ господамъ ихъ.

Однакожъ и это не дѣйствовало на заслуженнаго и умнаго, но корыстолюбиваго вельможу. Онъ однажды подалъ Императору прошеніе объ отдачѣ ему во владѣніе города Батурина, съ уѣздомъ, предмѣстьями, хуторами, мельницами и всѣми землями и жителями, поселившимися на нихъ; но получилъ отказъ.

Мы уже сказали, что Государь, не любя пышности и шума при своемъ Дворѣ, поручилъ представлять великолѣпіе его своему любимцу. По этому случаю Меншиковъ имѣлъ при домѣ своемъ и пажей изъ дворянъ.

Однажды Меншиковъ просилъ Императора пожаловать пажей его въ офицеры.

— Могу ли я пожаловать ихъ офицерами, когда они не были солдатами? отвѣчалъ Государь.—Впрочемъ, я подумаю.

Нѣсколько времени спустя Петръ велѣлъ объявить князю свое согласіе, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ сперва записалъ ихъ въ гвардейскій полкъ солдатами.

Но князь, не будучи этимъ доволенъ, вѣроятно, надѣясь на милость Государя, произвелъ своихъ пажей прямо въ сержанты и далъ о томъ знать въ полкъ.

Прошло нѣсколько времени.

Однажды Императоръ, разсматривая полковые рапорты, замѣтилъ, что пажи Меншикова были пожалованы въ сержанты.

Будучи крайне изумленъ этимъ обстоятельствомъ, онъ велѣлъ немедленно позвать къ себѣ того офицера, которому поручилъ сообщить волю свою князю.

— Что ты сдѣлалъ! вскричалъ Петръ съ гнѣвомъ: — я велѣлъ тебѣ объявить Меншикову, чтобы онъ записалъ пажей своихъ въ солдаты, а не въ сержанты.

— Я въ точности исполнилъ приказанія Вашего Величества, отвѣчалъ офицеръ.

— Не можетъ же быть, вскричалъ Государь, — чтобы Меншиковъ преступилъ мое повелѣніе!

— Не знаю, Ваше Величество; но я объявилъ ему Вашу волю, а именно: чтобы онъ записалъ своихъ пажей въ солдаты.

— Поди же къ нему, вскричалъ Императоръ съ гнѣвомъ,—и спроси его моимъ име-

Императрица Екатерина I.

немъ, какъ онъ смѣлъ дерзнуть преступить мое повелѣніе?

Князь Меншиковъ, узнавъ отъ офицера о гнѣвѣ Императора и надѣясь своимъ присутствіемъ поправить все дѣло, немедленно поѣхалъ во дворецъ.

Едва увидѣлъ его Государь, какъ въ сильномъ гнѣвѣ схватилъ изъ угла свою палку.

— Много я терпѣлъ, несчастный! вскричалъ Императоръ:—но есть конецъ и терпѣнію; ты до того забылся, что не слушаешь уже и меня! Такъ я же тебя проучу!

Меншиковъ, въ сильномъ страхѣ, упалъ на колѣни и молилъ о пощадѣ, но Императоръ былъ такъ сильно разгнѣванъ, что нѣсколько разъ ударилъ его своею палкою и повелѣлъ тотчасъ же переименовать пажей въ солдаты.

Три дня спустя, Императоръ, сжалившись надъ молодыми людьми, невиноватыми въ непослушаніи Меншикова и подвергнувшимися насмѣшкамъ по случаю скораго пожалованія ихъ, опять произвелъ ихъ въ сержанты.

Нѣсколько времени спустя Меншиковъ опять былъ уличенъ въ самовластномъ при-

своенiи чужихъ земель. Императоръ, выведенный, наконецъ, совершенно изъ терпѣнiя, рѣшился отступиться отъ неисправимаго и предать его строгому суду. Меншиковъ опять спѣшитъ во дворецъ, въ надеждѣ умилостивить Государя, но тотъ не внемлетъ никакимъ мольбамъ.

Казалось, судьба Меншикова рѣшена. Мечъ, висѣвшiй постоянно на волоскѣ надъ головой его, готовъ упасть на нее...

Императоръ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и съ горестью помышлялъ о своемъ любимцѣ, сдѣлавшемся недостойнымъ великихъ милостей его. Правосудiе и привязанность боролись въ душѣ его, но первое должно было, наконецъ, одержать верхъ.

Вдругъ отворяется дверь.

Въ кабинетъ входитъ мужчина пожилыхъ уже лѣтъ, въ простомъ офицерскомъ мундирѣ и прямо падаетъ къ ногамъ Петра.

Императоръ изумляется, всматривается въ незнакомца и узнаетъ въ немъ Меншикова!

— Ваше Величество! говоритъ послѣднiй, кладя къ ногамъ своего Государя всѣ свои ордена и шпагу:—ваши милости и щедроты осыпали меня благодѣянiями, а я, неблаго-

дарный, сдѣлался преступникомъ! Ваше Величество, примите обратно всѣ эти знаки чести и отличія, которыхъ я сдѣлался недостоинъ... Казните меня, какъ Вашему Величеству угодно; только объ одномъ молю: не предавайте въ руки моихъ непріятелей, которыхъ въ этомъ дѣлѣ побуждаетъ не столько польза общая, сколько личная ненависть ко мнѣ!

— Данилычъ! вскричалъ Петръ смягченнымъ голосомъ: — еще разъ спрашиваю: за что ты огорчаешь меня? Неужели тебѣ не довольно милостей и благодѣяній, которыми я тебя осыпалъ?.. Неужели гнусная корысть пересиливаетъ въ твоей душѣ всѣ прочія добрыя качества, которыми ты содѣлался полезнымъ мнѣ и отчизнѣ и за которыя я такъ щедро награждалъ тебя?.. Нѣтъ, Данилычъ, долго я защищалъ и миловалъ тебя даже противъ собственной совѣсти, но теперь насталъ конецъ моему многотерпѣнію...

— Казни, Государь! вскричалъ Меншиковъ со слезами на глазахъ:—но умоляю, не предавай въ руки моихъ враговъ!

— Перестань, Данилычъ, винить справедливыхъ судей, возразилъ ему Петръ: — у

тебя одинъ только врагъ, а именно — ты самъ!.. Иди, иди, я не хочу и не могу болѣе слушать тебя... Иди и жди рѣшенія своей участи!..

Съ этими словами Государь удалился въ сосѣднюю комнату, оставивъ Меншикова одного, лишеннаго уже всякой надежды на помилованіе.

Отправившись на половину Императрицы, князь Александръ Даниловичъ упадаетъ къ ногамъ Екатерины Алексѣевны, всегдашней его покровительницы, разсказываетъ ей все дѣло, и со слезами молитъ защитить его отъ заслуженнаго наказанія.

Императрица успокаиваетъ нѣсколько Меншикова, и онъ уходитъ къ себѣ, чтобы тамъ въ уединеніи ожидать рѣшенія своей участи.

Онъ ждалъ не долго. На другой же день онъ получаетъ отъ Императора приказаніе явиться во дворецъ къ обѣденному столу.

Смертная блѣдность покрыла лицо вельможи. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, когда камердинеръ надѣвалъ на него облитый золотомъ придворный мундиръ. Онъ готовъ былъ лишиться чувствъ, садясь въ карету.

Ноги отказывались служить ему, когда онъ входилъ по ступенямъ дворцовой парадной лѣстницы. Вздыхая, смотрѣлъ онъ на блестящія звѣзды на груди своей, и охотно промѣнялъ бы ихъ на минуту спокойствія, даруемаго чистою совѣстью.

Тяжко было на сердцѣ его, когда онъ проходилъ между рядами министровъ, посланниковъ и придворныхъ, ненавидѣвшихъ его или завидовавшихъ ему.

Не угадывая, что ждетъ его, поклонился онъ Ихъ Величествамъ, и нѣсколько минутъ спустя сидѣлъ уже за столомъ, къ которому въ этотъ день, противъ обыкновенія, было приглашено множество гостей.

Выраженіе лица Императора было строго, но не гнѣвно.

Обѣдъ начался. Завязался разговоръ о полезныхъ предметахъ, любимомъ занятіи Петра въ минуты отдыха.

Не смотря на всѣ усилія преодолѣть свое безпокойство, Меншиковъ не могъ проглотить ни кусочка. Никто не говорилъ съ нимъ. По временамъ обращалъ онъ умоляющій взглядъ на Монарха и супругу его.

Лицо Петра оставалось строгимъ, Екатерина опускала глаза.

Обѣдъ кончился. По знаку Императора всѣ разговоры внезапно прекратились. Взоры всѣхъ присутствующихъ обратились на Государя.

Ужасъ и страхъ овладѣли Меншиковымъ; грудь его сжалась; онъ сидѣлъ какъ на горячихъ угольяхъ; кровь застыла въ жилахъ его.

Тогда Императоръ обратился къ одному изъ придворныхъ и произнесъ громкимъ голосомъ:

— *Ушаковъ, рѣжь!*

Меншиковъ поблѣднѣлъ пуще прежняго.

Петръ бросилъ на него строгій взглядъ и сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ всталъ.

Молча и дрожа всѣмъ тѣломъ, Меншиковъ повиновался.

Придворный вынулъ бумагу, жалобно посмотрѣлъ на Меншикова, какъ-бы прося у него извиненія, поклонился и сталъ читать нетвердымъ голосомъ:

— Александръ Меншиковъ, сынъ простого мужика, милостію своего Царя возведенъ изъ самаго низкаго состоянія на высочайшую степень государственнаго величія и могущества. Похвальными качествами, примѣрною вѣрностью, неутомимою дѣятель-

ностью, пріобрѣлъ онъ довѣренность своего Государя, наградившаго его за то несмѣтными богатствами. Но онъ забылъ милости своего Государя и самымъ неблагодарнымъ образомъ употребилъ во зло довѣренность его. Нѣсколько разъ уже Императоръ прощалъ ему его преступленія, которыхъ накопилось столько, что не достанетъ теперь времени исчислить ихъ: Александръ Меншиковъ самовластно, противузаконными средствами присвоилъ себѣ казенныя деньги; Александръ Меншиковъ, какъ хищникъ, отнималъ у мирныхъ сосѣдей земли, имъ принадлежащія; Александръ Меншиковъ, какъ укрыватель, принималъ у себя бѣглецовъ, и даже коварными обѣщаніями переманивалъ къ себѣ чужихъ крестьянъ. Неоднократно подвергался за это Александръ Меншиковъ суду, но все это ни къ чему не вело. Теперь чаша преступленій его наполнилась вплоть до краевъ; еще одна капля, и вся чаша опрокинется на голову преступника. А преступника сего, бывшаго пирожника, нынѣ титулуютъ: „Свѣт-„лѣйшій Римскаго и Россійскаго Государствъ „Князь и Герцогъ Ижорскій, Его Царскаго „Величества верховный Дѣйствительный Тай-

„ный Совѣтникъ и надъ войсками командую-
„щій Генералъ-Фельдмаршалъ и Губернаторъ
„губерніи С.-Петербургской, кавалеръ Св.
„Апостола Андрея и Слона, Бѣлаго и чер-
„наго Орловъ и Полковникъ надъ тремя
„полками“ и проч. И да будетъ это въ укоръ
ему!..

Ушаковъ замолчалъ, сложилъ бумагу, поклонился и сѣлъ.

Меншиковъ стоялъ, какъ преступникъ, приговоренный на смерть. Изъ - подлобья смотрѣлъ онъ во время чтенія на присутствующихъ, но всѣ они сидѣли, опустивъ глаза... такъ сильно было еще могущество Меншикова!

По прочтеніи бумаги, Петръ строго посмотрѣлъ на своего любимца и сказалъ ему:

— Князь, ты самъ навлекъ на себя это униженіе. Пусть оно послужитъ тебѣ наказаніемъ. Дѣло же твое разберетъ Коммиссія, подъ судомъ которой ты теперь находишься. Но знай и вѣдай, что я сдержу свое обѣщаніе; помни слова: „Еще одна капля, и вся чаша опрокинется на голову преступника“.

ГЛАВА XIII.

Смерть Петра.

Былъ холодный, бурный, ноябрьскій вечеръ. Съ дикимъ ревомъ забѣгали волны Финскаго залива на берегъ или раздроблялись въ тысячи брызгъ о крутыя скалы.

Страшно вылъ вѣтеръ, нагоняя сѣрыя тучи, все болѣе и болѣе сгущавшіяся.

На берегу, на мѣстѣ, и понынѣ называемомъ Лахтой, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Систербека, гдѣ Петръ Великій завелъ оружейные заводы, толпилось нѣсколько человѣкъ, повидимому, только-что приставшихъ къ берегу.

Между тѣмъ, какъ матросы вытаскивали шлюпки, четверо изъ этихъ людей стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи и о чемъ-то разговаривали.

Не смотря на сгущавшійся мракъ, можно было разсмотрѣть, что одинъ изъ этихъ людей былъ ростомъ выше всѣхъ своихъ то-

варищей и съ благороднымъ величественнымъ лицомъ; но, всмотрѣвшись ближе въ черты этого лица, въ нихъ можно было замѣтить слѣды долговременной, мучительной болѣзни.

Этотъ мужчина былъ самъ Петръ Великій.

Онъ пріѣхалъ на Лахту осмотрѣть свои новоучрежденные заводы, только-что оправившись или, лучше сказать, даже не оправившись еще вполнѣ послѣ долговременной болѣзни.

Петръ Великій занемогъ въ 1723 году, но не считая своей болѣзни опасною, никому не говорилъ о ней; но лѣтомъ 1724 года страданія, сопряженныя съ его болѣзнію, до того усилились, что онъ призвалъ къ себѣ своего лейбъ-медика Блументроста. Послѣдній открылъ, что болѣзнь была весьма опасна, и съ ревностію и усердіемъ нринялся лечить ее.

Цѣлые четыре мѣсяца пролежалъ государь въ постели, и не ранѣе, какъ въ сентябрѣ почувствовалъ облегченіе; вскорѣ онъ всталъ съ постели и былъ въ состояніи прохаживаться по комнатѣ и заниматься дѣлами.

Но, вмѣстѣ съ выздоровленіемъ, въ великомъ государѣ пробуждалась и страсть его къ дѣятельности. Не будучи болѣе въ состояніи выносить душнаго для него комнатнаго воздуха и не довольствуясь одною кабинетною дѣятельностью, онъ, считая себя уже внѣ всякой опасности и не говоря ни слова лейбъ-медику, приказалъ приготовить яхту и поставить ее на якорѣ передъ дворцомъ.

Воспользовавшись первою ясною октябрьскою погодою, онъ послалъ сказать Блументросту, чтобы тотъ взялъ съ собою лекарствъ и послѣдовалъ за нимъ въ Шлиссельбургъ, куда Императоръ вознамѣрился ѣхать для осмотрѣнія Ладожскаго канала.

Блументростъ испугался и всячески старался отклонить Императора отъ неосторожнаго намѣренія. Но Петръ Великій не хотѣлъ слушать никакихъ убѣжденій.

Яхта снялась съ якоря.

Изъ Шлиссельбурга Императоръ поѣхалъ по Ладожскому каналу, проведенному уже весьма далеко; осмотрѣвъ всѣ работы и давъ нужныя наставленія касательно продолженія ихъ, Государь, пользуясь хорошей погодой,

поѣхалъ въ Старую-Ладогу, оттуда въ Новгородъ и на самый конецъ озера Ильменя, въ Старую-Руссу, чтобы осмотрѣть тамошнія соловарни.

Такимъ образомъ прошелъ весь октябрь мѣсяцъ. Нерѣдко возобновляющіяся страданія напоминали Императору, что болѣзнь его не совсѣмъ еще миновалась.

Наконецъ, въ первые дни ноября онъ обратно поѣхалъ въ Петербургъ, но не присталъ тамъ даже къ берегу, а прямо продолжалъ путь на Лахту, чтобы, какъ я сказалъ, побывать въ Систербекѣ и осмотрѣть заведенные имъ тамъ оружейные заводы.

Другіе три человѣка, стоявшіе въ отдѣльной группѣ съ Петромъ Великимъ, были Меншиковъ, лейбъ-медикъ Блументростъ и лекарь Раульсонъ.

— Ваше Величество, говорилъ Блументростъ, обращаясь къ Императору:—умоляю васъ, закутайтесь плотнѣе и не стойте здѣсь!.. Смотрите, какая погода!.. Не забудьте, что вы еще не совсѣмъ здоровы... долго ли вамъ простудиться? А вторичное возвращеніе болѣзни будетъ гораздо опаснѣе перваго!!.

— Ваше Величество, прибавилъ Менши-

ковъ:—ради Бога, послушайтесь лейбъ-медика... погода въ самомъ дѣлѣ ужасная! Поберегите драгоцѣнное для насъ здоровье.

— Пойдемте, пойдемте! отвѣчалъ Государь:—успокойся, Блументростъ, завтра кончится твоя пытка, завтра я возвращусь въ Петербургъ на отдыхъ, и тогда опять начну лечиться и слушать тебя.

Императоръ еще разъ осмотрѣлся и готовъ уже былъ удалиться отъ берега, какъ вдругъ остановился.

Въ далекомъ еще разстояніи онъ увидѣлъ ботъ, плывшій весьма медленно; съ неимовѣрными усиліями боролись матросы съ волнами, но онъ былъ слишкомъ нагруженъ матросами и солдатами.

— Смотрите, смотрите! вскричалъ Императоръ, указывая на ботъ:—надобно послать къ нимъ на помощь!

Едва произнесъ Государь эти слова, какъ лодка остановилась, и высоко хлестнули черезъ нее волны, захвативъ съ собою нѣсколько несчастныхъ.

— Ботъ всталъ на мель! вскричали нѣсколько матросовъ.

Забывъ убѣжденія доктора, Императоръ

бросился ближе къ морю и немедленно послалъ на помощь къ боту шлюпку съ своими людьми

Но всѣ старанія ихъ стащить ботъ съ мели были напрасны.

Петръ гнѣвался на медлительность и нерасторопность ихъ. Видя, что опасность ежеминутно увеличивалась, онъ вскочилъ въ другую шлюпку и приказалъ матросамъ грести.

— Ради, Бога остановитесь, Ваше Величество! кричалъ съ отчаяніемъ Блументростъ: — вспомните о вашемъ положеніи! Подумайте...

— Гдѣ жизнь моихъ подданныхъ въ опасности, тамъ я думать не смѣю! отвѣчалъ великодушный Монархъ.

— Но искупитъ ли жизнь тысячи вашихъ подданныхъ одну вашу жизнь! вскричалъ Блументростъ.

— Греби живѣе! закричалъ Петръ матросамъ. Меншиковъ успѣлъ вскочить въ шлюпку, не желая разставаться съ Государемъ въ минуту опасности.

Отъѣхавъ на нѣсколько сотъ шаговъ отъ берега, лодка Императора стала также на мель.

Не долго думая, Петръ выскочилъ изъ лодки и пошелъ къ омелѣвшему боту, по поясъ въ водѣ.

Забывъ собственную опасность, Государь помогалъ тащить ботъ, и самъ спасъ изъ воды болѣе двадцати человѣкъ утопавшихъ.

Но—увы! этотъ геройскій подвигъ совершенно разстроилъ здоровье Петра Великаго, и про него можно сказать въ полномъ смыслѣ этого слова, что онъ *пожертвовалъ* жизнію для своихъ подданныхъ...

На слѣдующее утро Государь хотѣлъ побывать въ Систербекѣ, однакожъ ночь, проведенная безъ сна, жестокіе лихорадочные припадки и болѣзненное жженіе, чувствуемое въ животѣ, заставили его поспѣшить возвращеніемъ въ Петербургъ. Императоръ прибылъ туда уже совершенно больной, и со дня на день чувствовалъ сильнѣйшее возвращеніе болѣзни, котораго столько боялся Блументростъ.

Въ слѣдующемъ, декабрѣ, мѣсяцѣ состояніе его сдѣлалось безнадежнымъ.

Съ мужественнымъ терпѣніемъ и спокойствіемъ переносилъ Императоръ ужасную

боль и помышлялъ о приближающейся кончинѣ.

Меншиковъ не отходилъ отъ него ни на шагъ.

Наконецъ, въ январѣ 1725 года, Великій Петръ преставился по волѣ Божіей...

Господи! пріими къ себѣ прекрасную душу въ рай! вскричала, рыдая, Екатерина.

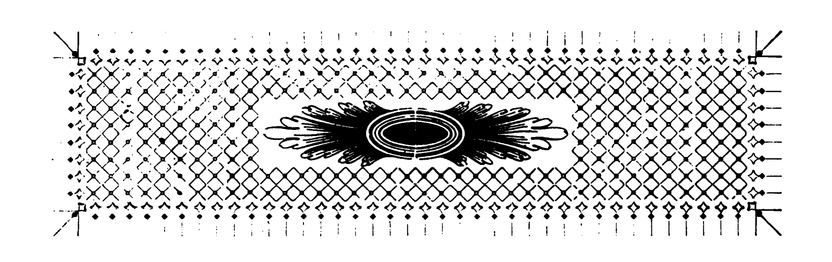
Скончался Великій... но слава дѣяній его перейдетъ изъ рода въ родъ, и съ благодарностію въ душѣ будутъ дѣды научать внуковъ читать и прославлять добродѣтели его!..

Императоръ Петръ II.

Съ гравюры Вортмана 1729, по портрету, написанному Люденъ.

ГЛАВА XIV.

Хорошая и дурная сторона.

На упраздненный Россійскій престолъ вступила супруга Петра Великаго Императрица Екатерина I.

Могущество Меншикова, поколебавшееся въ послѣдніе годы царствованія Петра, утвердилось болѣе прежняго.

По великому расположенію и снисхожденію къ нему, Императрица положила рѣшительный конецъ суду, производившемуся надъ Меншиковымъ, милостивымъ указомъ.

Но вмѣсто того, чтобы сдѣлаться вполнѣ достойнымъ этого милостиваго расположенія, Меншиковъ болѣе прежняго далъ волю своему честолюбію и корыстолюбію.

Благодаря безмѣрной къ нему милости Императрицы, власть его не знала почти

границъ. Безпрестанно утруждалъ онъ Императрицу просьбами. Со всѣхъ сторонъ посыпались на него новыя почести.

Изъ многихъ грамотъ и писемъ видно, что самъ Императоръ Австрійскій искалъ дружбы Меншикова. Король Польскій подарилъ ему многія земли въ Литвѣ и Польшѣ. Владѣтельный Князь Ангальтъ-Дессаускій просилъ у него руки дочери его Александры Александровны, для своего сына.

Чтобы навсегда утвердить за собою власть, Меншиковъ упросилъ Императрицу назначить одну изъ дочерей его, Марію, въ невѣсты наслѣднику Россійскаго престола.

Екатерина, не отказывавшая ни въ чемъ своему любимцу, дала на это согласіе и даже завѣщала это въ своей духовной.

Итакъ, бывшій разнощикъ, сынъ простого крестьянина, достигъ до высшей степени могущества. Рѣшеніе всѣхъ дѣлъ зависѣло непосредственно отъ него, онъ одинъ управлялъ всѣмъ.

Не удивительно ли, милые читатели, что послѣ великихъ заслугъ, доставшихъ Меншикову такую высокую почесть, онъ не могъ исправиться отъ преступнаго корыстолюбія?

Причину этого недостатка должно отнести къ низкому состоянію, въ которомъ онъ родился и выросъ, не потому, милыя дѣти, чтобъ у человѣка низкаго происхожденія не могли быть добрыя качества, но потому что, не имѣя благоразумнаго наставника въ юности, обращаясь большею частью съ людьми грубыми, невоспитанными, и имѣя постоянно передъ глазами дурные примѣры, онъ не могъ получить полезныхъ нравственныхъ наставленій, которыя, укрѣпясь въ душѣ твердо и вѣрно, руководили бы его поступками въ жизни; кромѣ того, проведя первые годы въ своей жизни въ бѣдности, почти въ нищетѣ, онъ понялъ цѣну деньгамъ и невольно пристрастился къ нимъ.

Съ такимъ расположеніемъ вступилъ онъ на новое поприще; мало-по-малу стало стекаться къ нему изобиліе, и чѣмъ большій терпѣлъ онъ прежде недостатокъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на приращеніе своего богатства.

Вотъ главная причина его корыстолюбія, которое впослѣдствіи развилось до того, что не довольствуясь уже законно пріобрѣтеннымъ, стало прибѣгать къ беззаконнымъ средствамъ обогащенія.

Такимъ же образомъ можно показать источникъ безмѣрнаго честолюбія Меншикова.

Люди пылкіе обыкновенно рождаются съ пламеннымъ желаніемъ отличиться, стать выше другихъ. Это желаніе весьма благородно и возвышенно, если подчиняется разсудку, то есть ограничивается возможнымъ и избираетъ средствами къ достиженію своей цѣли оказаніе полезныхъ услугъ; но если это желаніе неограниченно, если оно хочетъ достигнуть своей цѣли какими-бы то ни было средствами, то оно пагубно.

Хотя Меншиковъ, будучи принятъ Петромъ Великимъ, и получилъ весьма хорошее образованіе, но онъ уже былъ не въ такихъ лѣтахъ, чтобы чистая нравственность и христіанское ученіе могли глубоко укорениться въ сердцѣ его; а потому честолюбіе его, не бывъ укрощено и направлено къ настоящей цѣли, было неограниченно и не терпѣло ни малѣйшаго соперничества.

Но — милые читатели! человѣкъ всегда останется человѣкомъ, то есть существомъ, подверженнымъ слабостямъ; а потому прежде, нежели мы рѣшимся произнести строгій

приговоръ надъ Меншиковымъ, разсмотримъ хорошую сторону жизни и дѣяній его.

Онъ былъ искусный, тонкій политикъ, дѣятельный и проницательный министръ, неутомимый помощникъ благихъ намѣреній Великаго Петра касательно просвѣщенія Россіи, ревностный покровитель наукъ и художествъ, умный, страшный врагамъ военачальникъ. Если разсмотримъ внимательно и безпристрастно всѣ дѣянія Меншикова, то увидимъ, что корыстолюбіе и честолюбіе его вредили немногимъ частнымъ лицамъ и болѣе всего ему самому, между тѣмъ какъ благодѣтельное вліяніе заслугъ его простиралось на милліоны людей!..

Все выше и выше поднималась звѣзда счастья Меншикова.

Скончалась Императрица Екатерина I, оставивъ престолъ внуку своему Петру II Алексѣевичу. Тогда Меншиковъ прибралъ все къ своимъ рукамъ и полновластно управлялъ всѣми государственными дѣлами.

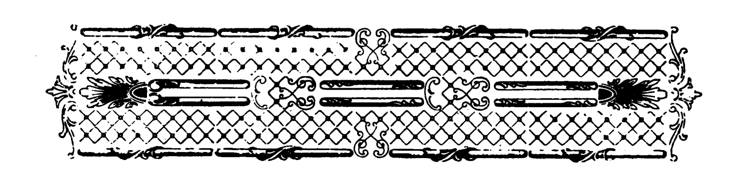
Кромѣ того что Императрица завѣщала въ своей духовной, чтобы наслѣдникъ ея женился на дочери Меншикова, Маріи, честолюбивый вельможа задумалъ еще женить

своего сына на Наталіи Алексѣевнѣ, сестрѣ Императора; исполненіемъ этого намѣренія надѣялся онъ освободиться отъ всѣхъ, до сихъ поръ угрожавшихъ ему опасностей и проложить своимъ потомкамъ путь къ Россійскому престолу!

Для лучшаго достиженія своей цѣли, Меншиковъ въ самый день смерти Императрицы перевезъ къ себѣ въ домъ Императора Петра II, чтобы никто не могъ имѣть къ нему доступа безъ его вѣдома.

И такъ, Меншиковъ взошелъ на высочайшую степень счастія и почестей; но надъ головою его собирались уже мрачныя тучи...

ГЛАВА XV.

Первая немилость.

Враги и завистники Меншикова не дремали; втайнѣ готовили они паденіе его.

Мы уже сказали, что, для большей безопасности, Меншиковъ перевезъ молодаго тринадцати-лѣтняго Императора къ себѣ въ домъ и тамъ окружилъ его людьми, искренно преданными ему, или обязанными ему своимъ счастіемъ.

Но такъ какъ Меншиковъ нанесъ столько ударовъ почти всѣмъ древнимъ русскимъ дворянскимъ фамиліямъ, то случилось, что и между людьми, имѣющими къ нему доступъ, нашлись такіе, у которыхъ родственники находились въ далекой ссылкѣ.

Эти люди, питая непримиримую вражду къ Меншикову, не упустили случая внушить молодому Императору, какую неограниченную власть имѣлъ Меншиковъ въ государствѣ, какъ онъ гордился этою властію и какъ намѣревался распространить ее даже на самого Императора, женивъ его на своей дочери.

Мало-по-малу слова эти западали въ умъ молодаго Императора и вооружили его противъ властолюбиваго вельможи; но онъ скрывалъ свое негодованіе и выжидалъ удобнаго случая явнымъ образомъ выказать свой гнѣвъ.

Случай этотъ не замедлилъ представиться, самъ Меншиковъ подалъ къ тому поводъ.

Однажды Меншиковъ, выходя изъ своего кабинета, встрѣтилъ въ одной изъ залъ придворнаго, принадлежавшаго къ свитѣ молодого Императора, несшаго небольшую шкатулку въ рукахъ.

— Что это? спросилъ Меншиковъ, останавливая придворнаго.

— Червонцы, отвѣчалъ послѣдній, поднесенные вчера Его Величеству петербургскими каменьщиками.

Княжна М. А. Меншикова.

— Куда же вы ихъ несете?

— Къ Натальѣ Алексѣевнѣ, сестрѣ Его Величества.

— Зачѣмъ?

— Государь посылаетъ Цесаревнѣ эти деньги въ подарокъ, отвѣчалъ придворный.

— Въ подарокъ! Девять тысячъ червонцевъ!.. Отнесите ихъ ко мнѣ въ кабинетъ, сказалъ Меншиковъ.

— Но, ваша свѣтлость, Его Величеству угодно было приказать...

— Его Величество еще слишкомъ молодъ, не знаетъ цѣны деньгамъ.

— Однако...

— Повторяю вамъ: отнесите ихъ ко мнѣ въ кабинетъ!.. Я самъ переговорю съ Императоромъ.

Придворный молча поклонился, и, зная, какъ опасно ослушаться Меншикова, исполнилъ его приказаніе.

На другой день Цесаревна пришла, по обыкновенію своему, повидаться и поздороваться съ братомъ своимъ.

Петръ II былъ очень ласковъ съ нею. Цесаревна готовилась уже удалиться, когда

братъ ея, какъ будто вспомнивъ о чемъ-то, остановилъ ее и спросилъ:

— Кстати, сестрица, неужели вы не хотите поблагодарить меня за вчерашній подарокъ?

— За какой подарокъ? съ изумленіемъ спросила Наталья Алексѣевна.

— А за тотъ, который я вамъ вчера прислалъ.

— Я никакого подарка не получала.

— Не получала? вскричалъ молодой Императоръ, и лицо его приняло гнѣвное выраженіе.—Эй! продолжалъ онъ, отворивъ дверь въ прихожую:—сейчасъ позвать сюда вчерашняго дежурнаго!

— Что съ вами, братецъ? спросила Цесаревна.

— О! это несносно! говорилъ съ сердцемъ молодой Государь:—никто меня не слушается!.. Я здѣсь ничто!.. И всему этому виноватъ Меншиковъ; онъ поступаетъ со мною, какъ съ ребенкомъ!.. но терпѣніе мое лопнетъ, и я докажу ему...

Слова Петра II были прерваны входомъ того придворнаго, которому онъ наканунѣ поручилъ снести деньги къ Цесаревнѣ.

— Куда ты дѣвалъ деньги? вскричалъ Императоръ съ гнѣвомъ, обратившись къ вошедшему.

— Ваше Величество, князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ отнялъ ихъ у меня, отвѣчалъ испуганный придворный.

— Меншиковъ! Неужели во всѣхъ непріятностяхъ въ моей жизни мнѣ суждено слышать это имя... Развѣ я тебя посылалъ съ деньгами къ Меншикову?.. вскричалъ съ гнѣвомъ Петръ II.

— Нѣтъ, Ваше Величество, но онъ остановилъ меня и, не смотря на всѣ мои возраженія, приказалъ отнести деньги къ нему въ кабинетъ, отвѣчалъ придворный.

— А! ужъ это черезчуръ дерзко!.. Сейчасъ же позвать ко мнѣ Меншикова!

Придворный поспѣшно удалился.

Наталья Алексѣевна старалась усмирить разгнѣваннаго Государя, но тотъ ничего не хотѣлъ слушать, а просилъ сестру удалиться и оставить его одного съ княземъ.

Едва Цесаревна удалилась, какъ Меншиковъ вошелъ къ Императору съ улыбающимся видомъ.

— Вашему Величеству угодно было по-

требовать меня къ себѣ, сказалъ онъ, все еще не замѣчая гнѣвнаго выраженія лица Императора и подходя къ нему.

— Вы забываете должное уваженіе къ вашему Государю! вспыльчиво закричалъ Петръ II:—коли я васъ позвалъ, такъ вы должны остановиться у дверей и тамъ ожидать моихъ приказаній!

Меншиковъ остолбенѣлъ; въ жизнь свою ему не случалось еще слышать такихъ строгихъ словъ.

— Какъ вы осмѣлились присвоить себѣ деньги, которыя я послалъ къ своей сестрѣ? продолжалъ молодой Императоръ.

Слова эти поразили князя подобно громовому удару.

— Ваше Величество, отвѣчалъ онъ,—я не присвоилъ себѣ этихъ денегъ.

— Зачѣмъ же вы велѣли отнести ихъ къ себѣ въ кабинетъ?

— Я сдѣлалъ это по необходимости, Ваше Величество, отвѣчалъ Меншиковъ:—государство нуждается въ деньгахъ; казна истощена...

— Ужъ не отъ того ли она истощена,

что вы, князь, слишкомъ обогатились? съ колкостію спросилъ Петръ II.

Меншиковъ вспыхнулъ: онъ хотѣлъ отвѣчать съ такою же колкостію, но воздержался.

— Ваше Величество, отвѣчалъ онъ съ чувствомъ:—я не ожидалъ отъ васъ такого упрека, тѣмъ болѣе, что сегодня же намѣренъ представить вамъ, какимъ образомъ употребить эти деньги съ истинною пользою...

— Мнѣ не нужно никакихъ представленій! съ прежнимъ гнѣвомъ вскричалъ Императоръ:—я самъ знаю, что дѣлаю! Коли я назначилъ эти деньги въ подарокъ Цесаревнѣ, такъ онѣ ей принадлежатъ.

— Безпрекословно повинуюсь приказанію Вашего Величества, отвѣчалъ Меншиковъ съ покорностью:—и не только возвращу вамъ сейчасъ девять тысячъ червонныхъ, но если изволите приказать, то до милліона рублей своихъ собственныхъ денегъ приложу.

— Не нужно мнѣ твоихъ денегъ! съ большею противъ прежняго вспыльчивостью вскричалъ Петръ II:—я тебя научу знать, что я Императоръ и хочу, чтобъ меня слушались!..

Съ этими словами онъ отвернулся и удалился въ сосѣднюю комнату.

Померкла звѣзда счастія Меншикова... Туча, собравшаяся надъ головой его, разразилась!

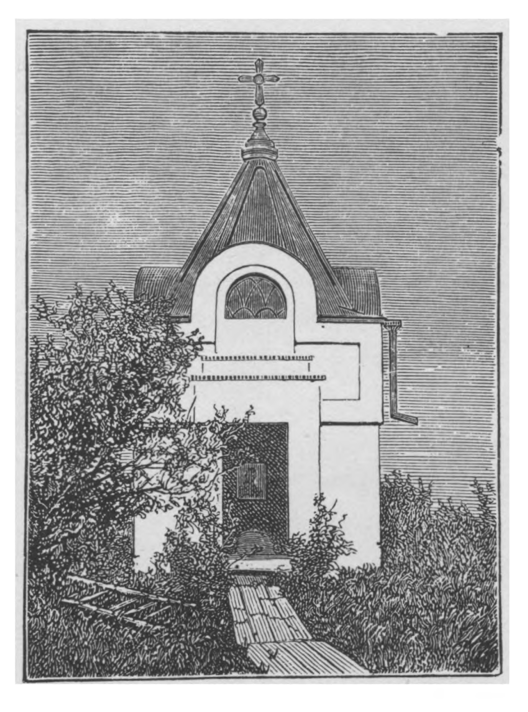
Молвилъ Господь:

„Вотъ предѣлъ твоему стремленію!“

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

НЕСЧАСТІЕ И ИСКУПЛЕНІЕ.

Могила Д. М. Меншиковой.

ГЛАВА XVI.

Изгнаніе

После разсказаннаго нами событія, молодой Императоръ выѣхалъ изъ дому Меншикова и уже не допускалъ его къ себѣ.

Нѣсколько дней спустя, князь еще разъ возвращался послѣ неудачной попытки увидѣть Императора.

Петръ II не принялъ его, — его, будущаго своего тестя, отца нареченной его невѣсты!..

Съ боязливыми вопросами встрѣтили его жена и дѣти.

Лицо Меншикова было блѣдно; онъ замѣтно похудѣлъ въ нѣсколько дней. Взглянувъ на жену и дѣтей, онъ судорожно сжалъ руки, поднялъ глаза къ небу и, закрывъ лицо, зарыдалъ.

Родные старались утѣшить его.

— Бѣдныя дѣти!.. бѣдная дочь моя!.. говорилъ Меншиковъ, рыдая:—ступайте, оставьте меня одного... мнѣ нужно подумать о нашемъ положеніи... принять мѣры...

Едва произнесъ онъ эти слова, какъ въ комнату вошелъ посланный отъ Государя съ запечатаннымъ пакетомъ.

Жена и дѣти князя остановились въ боязненномъ ожиданіи.

Посланный удалился.

Долго не могъ Меншиковъ рѣшиться распечатать пакетъ, и сильно дрожали руки его, когда онъ разламывалъ печать. Скоро прочиталъ онъ приказъ Императора... бумага выпала изъ дрожавшихъ рукъ его, и онъ самъ въ изнеможеніи опустился въ кресло!..

Императорскою волею онъ былъ лишенъ всѣхъ чиновъ, отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей и изгнанъ изъ Петербурга!.. Мѣстопребываніемъ ему былъ назначенъ Раненбургъ, весьма красивый городъ, построенный и укрѣпленный самимъ Меншиковымъ на Украинской границѣ, въ нынѣшней Рязанской губерніи.

Этого удара онъ не ожидалъ.

Наконецъ, собравъ всѣ свои силы, Меншиковъ вскочилъ.

— А! вскричалъ онъ:—вотъ почему презрѣнная толпа подлыхъ льстецовъ не сгибала сегодня предо мною спины!.. Вотъ почему они всѣ смотрѣли на меня, злобно усмѣхаясь!.. Какъ! Великій Петръ, Екатерина I умѣли цѣнить мои заслуги, а тринадцатилѣтнее дитя отвергаетъ ихъ?.. Неужели для этого я трудился, жертвовалъ собою, проводилъ ночи безъ сна, забывалъ о семействѣ и о себѣ самомъ?.. Неужели дѣтская прихоть должна разрушить зданіе, сооруженное моими сорокалѣтними трудами?.. О, нѣтъ, никогда?..

И Меншиковъ громко позвонилъ.

— Чтобы всѣ офицеры моего вѣрнаго полка явились сюда! вскричалъ онъ вошедшему слугѣ.

— Боже мой! что ты намѣренъ дѣлать? вскричала княгиня, бросившись въ объятія мужа.

— Защитить права моей дочери! вскричалъ Меншиковъ въ сильномъ волненіи!—я хочу доказать, что честь княжеской дочери не игрушка?

— Князь, возразила жена его съ горестью:—ты погубишь себя!

— Но я паду съ честію! отвѣчалъ Меншиковъ.

— Ты погубишь своихъ дѣтей! съ воплемъ отчаянія произнесла княгиня.

Эти слова поразили Меншикова въ самое сердце. Онъ задумался.

Въ прихожей послышался шумъ, и минуту спустя вошелъ слуга и доложилъ:

— Офицеры Ингерманландскаго полка собрались и ждутъ приказаній вашей свѣтлости.

— Ради Бога, повторяла княгиня умоляющимъ голосомъ:—не губи себя и насъ!

— Успокойся, моя добрая, отвѣчалъ Меншиковъ съ грустью, прицѣпляя въ послѣдній разъ шпагу, украшенную бриллiантами.

Печально, но не мрачно было лицо князя, когда онъ вышелъ къ своимъ подчиненнымъ.

— Вѣрные друзья мои! сказалъ онъ имъ кроткимъ голосомъ, въ которомъ выражалась покорность судьбѣ:—вамъ, можетъ быть, уже извѣстна участь, постигшая меня. Я лишенъ всѣхъ чиновъ, отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей. Слѣдовательно, я уже не начальникъ

вашъ. Простите же мнѣ, продолжалъ онъ растроганнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ крупныя слезы катились по щекамъ его:— простите же мнѣ, что я осмѣлился безпокоить васъ... но мнѣ хотѣлось еще разъ увидаться съ вами передъ разлукой, поблагодарить за вѣрную службу и просить прощенія, если я кого обидѣлъ. Вѣчно буду помнить я вашу вѣрность... Примите эту шпагу, драгоцѣнный подарокъ моего въ Бозѣ почившаго благодѣтеля, Великаго Петра... пусть она будетъ залогомъ моей душевной признательности за вашу вѣрность и любовь!..

Съ этими словами онъ вручилъ свою шпагу полковнику и съ чувствомъ обнялъ его.

Всѣ были глубоко тронуты.

— Простите же еще разъ, мои вѣрные друзья и товарищи, простите!.. Служите вѣрой и правдой вашему Государю Петру II Алексѣевичу и забудьте Александра Меншикова, со стыдомъ и позоромъ сходящаго съ блистательнаго поприща своего!..

Рыдая, удалился Меншиковъ.

Медленно и съ невыразимою грустью разошлись офицеры, лишившіеся отца...

— Довольна ли ты мною? спросилъ Меншиковъ, обратившись къ своей женѣ.

— О, Александръ! отвѣчала княгиня!— благодарю, благодарю! Теперь ты одержалъ великую побѣду!—побѣду надъ самимъ собою!.. Теперь ты совершенно отдѣлился отъ свѣта и вполнѣ принадлежишь своему семейству. Повѣрь мнѣ, другъ мой, ты будешь счастливъ! Въ уединеніи, въ твоемъ прекрасномъ Раненбургѣ, мы посвятимъ себя воспитанію дѣтей... О чемъ тебѣ горевать? Болѣе сорока лѣтъ ты всѣми силами содѣйствовалъ прославленію и увеличенію благосостоянія Россіи! Ты заплатилъ свой долгъ человѣчеству и отчизнѣ, и не съ позоромъ, а со славою сходишь ты со своего благодѣтельнаго поприща.

Съ притворнымъ спокойствіемъ слушалъ Меншиковъ утѣшенія жены.

ГЛАВА XVII

Выѣздъ изъ столицы.

Много народу толпилось около дома Меншикова.

У крыльца стояло нѣсколько красивыхъ экипажей и обозъ, около которыхъ суетилось множество слугъ.

Смотря на нихъ, можно было подумать, что знатный вельможа отправлялся въ путешествіе, а не изгнанникъ.

— Гляди-ка, гляди-ка, Петровичъ, сказалъ одинъ изъ зѣвакъ, окружавшихъ экипажи, своему сосѣду,—сколько онъ всякаго богатства беретъ съ собой!

— Еще бы! отвѣчалъ сосѣдъ:—мало-ли онъ въ жизнь-то свою награбилъ!

— Да какъ же ему позволяютъ брать все это съ собою?..

— Поди спроси! Я бы ему ничего не

оставилъ, кромѣ лотка, на которомъ онъ прежде разносилъ пирожки!

— Эхъ, братцы! замѣтилъ третій зритель: напрасно вы говорите такія вещи; кабы князь-то ничѣмъ не заслужилъ, такъ ему, вѣрно, не позволили бы уѣхать съ такимъ почетомъ.

— Эка, заслужилъ! Кабы заслужилъ, такъ его не лишили бы чиновъ, да не прогнали бы изъ Питера!

— Мало ли что на свѣтѣ бываетъ? Иной разъ и умный сдѣлаетъ глупость, а иной разъ и безъ вины виноватъ!

— Полно тебѣ вступаться за него! вскричало нѣсколько человѣкъ.

— Толчками бы выпроводить Меншикова изъ столицы!

— Каменьями закидать его!

— Армякъ надѣть бы на него такой, какой онъ прежде носилъ!..

Вдругъ всѣ замолчали. Наступила глубокая тишина.

Медленно и потупивъ глаза, сходилъ бывшій князь Меншиковъ съ крыльца. На немъ былъ простой сѣрый камзолъ, застегнутый до верху. Никакой орденъ не украшалъ

груди его, за нѣсколько дней увѣшанной еще до того, что не было почти ни одного мѣста на ней. Лицо Александра Даниловича было блѣдно, но спокойно. Онъ шелъ медленно, но твердыми шагами.

За нимъ слѣдовала княгиня и двѣ княжны: послѣднія закрывали лица платками, чтобы не показать праздной толпѣ зѣвакъ слезъ, струившихся по щекамъ ихъ.

Наконецъ, шелъ, молча, князь, сынъ Меншикова. Гордо и смѣло глядѣлъ онъ на толпу.

Никто не смѣлъ нарушить молчанія, пока изгнанникъ и семейство его не заняли своихъ мѣстъ въ дорожномъ экипажѣ. Но лишь только захлопнулись дверцы послѣдняго, какъ глухой ропотъ пробѣжалъ въ толпѣ.

— По дѣламъ вору и мука! закричалъ какой-то дерзкій смѣльчакъ.

— Не выгнать ли его изъ кареты, да не заставитъ ли пройтись пѣшкомъ сказалъ? другой.

— Пироги, горячи! горячи! закричалъ кто-то визгливымъ голосомъ въ толпѣ.

Эта шутка очень понравилась зѣвакамъ. Они громко захохотали.

Болѣзненно отдался этотъ смѣхъ въ груди Меншикова.

Прижавшись въ уголъ коляски, онъ съ горечью сказалъ княгинѣ:

— Вотъ народъ, для блага котораго я трудился!.. Вотъ народъ, которому я раздавалъ безденежно хлѣбъ и дрова!.. Вотъ народъ, еще недавно благословлявшій меня, какъ своего благодѣтеля!..

Княгиня съ грустью опустила голову на грудь.

Народъ продолжалъ осыпать изгнанника насмѣшками и ругательствами, какъ вдругъ раздался громкій голосъ:

— Замолчите, неблагодарные!.. Давно ли вы сами домогались одной улыбки благороднаго изгнанника!.. Давно ли вы кланялись ему въ ноги съ подобострастіемъ?.. Отыдите, лицемѣры!

Толпа заворчала и обратила ругательства на защитника Меншикова. То былъ сѣдой старикъ, издавна служившій князю.

Экипажи тронулись.

За нѣсколько дней, когда Меншиковъ проѣзжалъ мимо гауптвахты, офицеры и солдаты съ поспѣшностью бросились къ ору-

жію. чтобы отдать фельдмаршалу должную почесть.

Теперь же офицеры, спокойно сложивъ руки на груди, прохаживались взадъ и впередъ и даже обращались спиною къ экипажу, въ которомъ сидѣлъ нѣкогда могущественный вельможа. Часовой нимало не измѣнилъ небрежнаго положенія, и съ глупою дерзостью старался заглянуть во внутрь кареты. Другіе солдаты громко расхохотались.

Много подобныхъ оскорбленій перенесъ Меншиковъ. проѣзжая городомъ.

Наконецъ, экипажи выѣхали за заставу и изгнанники вздохнули свободнѣе.

— Утѣшься, другъ мой! сказала княгиня Меншикову, погрузившемуся въ мрачныя размышленія:—Раненбургъ рай въ сравненіи съ холоднымъ, сырымъ, болотистымъ Петербургомъ. Тамъ мы вполнѣ насладимся всѣми благами природы.

ГЛАВА XVIII.

Ссылка.

Изгнанники приближались къ Твери.

— Стой! закричалъ кто-то повелительнымъ голосомъ.

Экипажи остановились, и Меншиковъ только-что хотѣлъ спросить о причинѣ этой остановки, какъ увидалъ приближающагося офицера съ бумагой въ рукахъ.

Что это значило? Не раскаялся ли молодой Императоръ въ своей строгости? Не былъ ли этотъ офицеръ вѣстникомъ монаршей милости? Не возвращалъ ли Петръ II Меншикову прежніе чины и должности его?..

Надежда овладѣла сердцами бѣдныхъ изгнанниковъ. Никто не дерзалъ высказать ее въ словахъ; но она ясно выражалась въ глазахъ, блиставшихъ радостнымъ ожида-

ніемъ... Высоко поднималась грудь молодыхъ княженъ; крѣпче и скорѣе билось сердце молодого князя.

Между тѣмъ офицеръ подошелъ къ каретѣ Меншикова, поклонилея ему, развернулъ бумагу и сталъ читать исчисленія всѣхъ преступленій, которыми Меншиковъ навлекъ на себя немилость своего государя.

Нетерпѣливо билось сердце Меншикова въ ожиданіи рѣшенія; онъ затаилъ дыханіе, чтобы не проронить ни одного слова, какъ вдругъ, подобно грому, разразились надъ нимъ слѣдующія слова:

„За таковые противозаконные преступле-„нія, поступки и великія преступленія Го-„сударь Императоръ повелѣваетъ лишить „Меншикова всѣхъ его движимыхъ и недви-„жимыхъ имуществъ, опечатать даже при „немъ находящіяся вещи, оставивъ ему „только необходимое, и осуждаетъ его на „вѣчную ссылку въ Сибирь“.

По выслушаніи страшнаго приговора, Меншиковъ закрылъ лицо руками и, зарыдавъ, упалъ на подушки кареты. Безмолвно и неподвижно, какъ бы превращенная въ мраморную статую, сидѣла княгиня и без-

смысленно глядѣла на вѣстника новаго несчастія. Молодой князь поблѣднѣлъ и взоромъ молилъ небо о помилованіи. Княжны плакали.

По окончаніи чтенія страшнаго приговора, всѣ слуги окружили княжескую карету, оглашая воздухъ жалобами; но не получая никакого отвѣта, отступили, и съ изумленіемъ стали смотрѣть другъ на друга.

— Ты ѣдешь въ Сибирь? спросилъ одинъ слуга другого.

— Какъ-бы не такъ! отвѣчалъ другой. Тамъ, говорятъ, вдесятеро холоднѣе, нежели въ Питерѣ!

— Я слышалъ, замѣтилъ третій слуга,— что тамъ живутъ только волки и медвѣди!

— Фу, страсть какая! вскричала одна изъ горничныхъ.

— Ѣдятъ тамъ одну сушеную рыбу!

— Спасибо!

— А кто будетъ платить намъ жалованье? Нечто вы не слышали, что барину приказано оставить только самое необходимое.

— Такъ, стало быть, онъ можетъ обойтись безъ насъ!

— Я попрошу барина, чтобы онъ отпустилъ меня!

— Я уйду и безъ спросу!

— Дѣло! и я за тобой!

— И я, и я!

Между тѣмъ около кареты князя удвоили караулъ, а лишніе экипажи были отправлены обратно въ Петербургъ. Слуги воспользовались этимъ случаемъ и оставили своихъ господъ.

Неблагодарные! Они забыли всѣ милости, всѣ благодѣянія, которыми осыпалъ ихъ нѣкогда князь, во время своего могущества.

Только одинъ сѣдой старикъ забился на запятки единственнаго экипажа, оставленнаго князю. Тщетно старались его сманить товарищи, уговаривая послѣдовать ихъ примѣру и ѣхать съ ними. Не удостоивая отвѣтомъ неблагодарныхъ, онъ грустно покачивалъ головой и утиралъ слезы, выступавшія на глазахъ его.

Онъ былъ грустенъ, потому что угадывалъ, какой новый, горестный ударъ нанесетъ господамъ его неблагодарность слугъ, и не ошибся.

Большая часть экипажей поѣхала обратно

въ Петербургъ, и только одна карета продолжала путь—путь далекій, трудный!...

Вечеромъ семейство князя пріѣхало въ небольшое мѣстечко, гдѣ надобно было перемѣнить лошадей.

Меншиковъ, не сказавшій до сихъ поръ ни слова, позвалъ своего камердинера.

Отвѣта не было. На второй призывъ, вмѣсто камердинера, у дверецъ кареты явился сѣдой старикъ.

— Позови моихъ слугъ... всѣхъ! сказалъ Меншиковъ. Я не могу требовать отъ нихъ, чтобы они раздѣлили жестокую участь и послѣдовали за мною въ Сибирь; я хочу отпустить ихъ и оставить при себѣ только необходимѣйшихъ.

— Ваша свѣтлость, отвѣчалъ старикъ съ замѣшательствомъ: слуги ваши сами поняли, что вы уже не можете оставить ихъ при себѣ... а потому... чтобы избавить васъ... отъ тягостной минуты разставанья... они сами... вернулись въ Петербургъ.

Меншиковъ не вѣрилъ своему слуху. Онъ выглянулъ изъ кареты. За нею не было ни другихъ экипажей, ни обозовъ, ни слугъ.

Съ горькой усмѣшкой обратился тогда князь къ своей супругѣ и сказалъ:

Видъ города Березова въ XVIII. столѣтіи.

— Кто бы могъ ожидать такой нѣжности чувствъ отъ лакеевъ! Чтобы избавить насъ отъ тягостнаго разставанья, они покинули насъ безъ спросу!... О люди, люди!... А тебѣ что надо? продолжалъ онъ съ сердцемъ, обратившись къ старику:—ты зачѣмъ остался?.. Пошелъ къ своимъ товарищамъ!

— Я никогда не разстанусь съ вашею свѣтлостью! отвѣчалъ старикъ съ чувствомъ.

— Пошелъ! вскричалъ Меншиковъ съ гнѣвомъ: я никого не хочу знать!... Вы всѣ лицемѣры!... Ты—вѣроятно, надѣешься еще поживиться чѣмъ нибудь отъ меня!... Ошибаешься, пріятель! Ступай лучше къ Долгорукимъ, они теперь богаты—а я нищій!

— Я не уйду отъ вашей свѣтлости, съ твердостью возразилъ старый слуга.

— А! вскричалъ князь: вотъ до чего я дожилъ! Ничтожный лакей не слушается меня... Прочь съ глазъ моихъ, негодяй! Прочь!...

Княгиня и дѣти съ умоляющимъ видомъ посмотрѣли на старика.

Онъ поклонился, вздохнулъ и пошелъ занять прежнее мѣсто на запяткахъ.

ГЛАВА XIX.

Вѣрный слуга.

Изгнанники продолжали путешествіе.

Пустыннѣе становились мѣста, по которымъ они проѣзжали, суровѣе и пронзительнѣе становился холодный сѣверный вѣтеръ.

Молча размышляя о постигшемъ ее несчастіи, сидѣла семья князя, плотнѣе кутаясь въ шубы.

Наступила ночь.

Вдали слышался хриплый вой голодныхъ волковъ. Княгиня и дѣти ея, желая избавиться отъ тягостныхъ впечатлѣній, давившихъ сердца ихъ, старались уснуть, но тщетно!...

Ахъ, какъ медленно тянулось время до утра! Съ восходомъ солнца усилился вѣтеръ;

съ силою срывалъ онъ послѣдніе пожелтѣлые листья съ деревъ.

Чувствуя голодъ, изгнанники просили офицера, предводительствовавшаго карауломъ, остановиться у постоялаго двора въ небольшой деревушкѣ.

Князь долженъ былъ самъ отворить себѣ дверцы кареты и выдти безъ помощи лакеевъ. Какъ трудна показалась ему эта бездѣлица! Довольно неловко подалъ онъ руку женѣ и съ трудомъ высадилъ ее. Молодой князь скоро выскочилъ, но упалъ, потому что у него заснули, какъ говорятъ, ноги, отъ долгаго сидѣнья. Княжны также едва стояли на ногахъ

Что же касается до стараго слуги, на помощь котораго втайнѣ надѣялись какъ княгиня, такъ и дочери ея, то онъ исчезъ.

— Вѣроятно, думала княгиня, послѣднія слова огорченнаго изгнанника-князя оскорбили его, и онъ покинулъ насъ!...

Семейство князя вступило въ обширную избу постоялаго двора. Несмотря на благодѣтельную теплоту, согрѣвавшую члены несчастныхъ изгнанниковъ, они съ трудомъ оставались въ избѣ по причинѣ душнаго, дурного запаха.

Вздыхая, заняли они мѣста на жесткихъ, деревянныхъ скамьяхъ и съ грустью смотрѣли другъ на друга. Только Меншиковъ сидѣлъ грустно потупивъ взоръ.

Они съ радостью выпили бы чего нибудь тепленькаго. Но чего? Бородатый хозяинъ постоялаго двора предложилъ имъ своихъ *щей*; однакожъ, горшокъ, въ которомъ они варились, деревянныя ложки и хозяинъ были такъ неопрятны, самыя щи распространяли въ воздухѣ такой непріятный запахъ, что изгнанники отказались съ отвращеніемъ.

— У насъ долженъ быть съ собой чай, замѣтила княгиня; — но какъ найти его? Слугамъ было поручено все укладывать.

— Молодой князь немедленно побѣжалъ къ каретѣ и перерывъ всѣ сундуки и карманы, нашелъ, наконецъ, то чего искалъ. Но тутъ представилось новое затрудненіе. Кто приготовитъ чай и въ чемъ приготовить его? Хозяйкѣ постоялаго двора этого нельзя было поручить, потому что она сама говорила, что отродясь не пивала этого зелья.

Княжны, наконецъ, сами рѣшились заняться этимъ дѣломъ, а молодой князь взялся помогать имъ. Но въ такомъ случаѣ одной

доброй воли недостаточно, нужно умѣнье, а княжны въ жизнь свою не занимались хозяйствомъ и не умѣли приготовить чая.

Боже мой! Какъ неловко брались онѣ не за свое дѣло; какъ обжигали онѣ себѣ нѣжные пальчики! Старшая прожгла себѣ углемъ платье, младшая запачкала все лицо сажей. Сначала онѣ дрожали отъ холода, теперь горѣли отъ жара и стыда, что имъ не удается даже сдѣлать чая.

Но вотъ чай готовъ; надобно отвѣдать его: Боже мой! что это за вкусъ!.. Онѣ насыпали чай въ холодную воду и онъ вскипѣлъ вмѣстѣ съ нею; кромѣ того онъ пахнулъ дымомъ и былъ подкрашенъ упавшими въ него углями.

Княжны заплакали съ горя и досады, но это не помогло бѣдѣ. Онѣ въ тысячу разъ охотнѣе станцовали бы какой-нибудь труднѣйшій танецъ, вышили бы въ пяльцахъ труднѣйшій узоръ!..

Говорятъ —это я слышалъ отъ достовѣрныхъ людей—что и нынче есть дѣвицы, превосходно образованныя, говорящія на многихъ языкахъ, рисующія прекрасно, отлично играющія на фортепіано, но не умѣющія сва-

рить яйца!.. Правда ли это, милыя читательницы?

Хотя приготовленный чай былъ весьма дуренъ, но надобно же было напиться чего-нибудь тепленькаго, а потому княжны рѣшились снести его въ избу. Едва онѣ вошли туда, какъ Марія, несшая чай, споткнулась и уронила горшокъ на полъ. По счастію, она не обварила себѣ рукъ.

Съ отчаяніемъ смотрѣли молодыя княжны на осколки горшка и разлившійся чай, какъ вдругъ дверь отворилась и въ избу вошелъ старикъ-слуга...

На красивомъ подносѣ несъ онъ большой серебряный чайникъ, изъ котораго валилъ душистый паръ, нѣсколько чашекъ и ломтей бѣлаго хлѣба; тутъ же были вареныя яйца и большая кружка свѣжихъ сливокъ.

Какъ все это было чисто и опрятно въ сравненіи съ крестьянской посудой! Какъ скоро прояснились опечаленныя лица дѣтей Меншикова! Казалось, тяжелый камень свалился съ сердецъ ихъ.

Да, вѣрный слуга неоцѣненный кладъ! и обыкновенно мы познаемъ цѣну его въ такое время, когда лишаемся услугъ его.

Въ то время, когда прочіе слуги возвращались въ Петербургъ, старикъ собралъ все необходимѣйшее, уложилъ въ особый сундукъ и привязалъ его къ запяткамъ. Когда изгнанники остановились у постоялаго двора, старикъ отвязалъ свой сундучокъ и отправился въ сосѣднюю избу, гдѣ приготовилъ чай лучше неопытныхъ княженъ.

— Какъ! вскричалъ Меншиковъ, взглянувъ на вѣрнаго слугу:—не смотря на мое приказаніе, ты все-таки остался?

— Простите великодушно, ваша свѣтлость, отвѣчалъ старикъ:—но я уже имѣлъ честь докладывать, что ни за что въ мірѣ не разстанусь съ вами... Да и куда мнѣ идти, старику одинокому? Вспомните, ваша свѣтлость, ту ночь, когда вы открыли въ Москвѣ заговоръ противъ Великаго Государя нашего Петра Алексѣевича; вспомните двухъ человѣкъ, просидѣвшихъ всю ночь въ подвалѣ у полковника Цыклера, въ боязненномъ ожиданіи рѣшенія ихъ участи; вспомните, съ какою признательностью одинъ изъ этихъ людей послѣдовалъ за вами, когда ихъ освободили... Этотъ человѣкъ я, Симоновъ! И съ той ночи я поклялся вѣчно служить вамъ,

никогда не разлучаться съ вами! Не разъ всходилъ я вслѣдъ за вами на шведскіе фрегаты, подъ градомъ пуль и картечь; я былъ съ вами въ Турціи, Швеціи, Польшѣ и Пруссіи, я былъ при васъ во время побѣды подъ Калишемъ; я былъ съ вами на полѣ Полтавскомъ; зачѣмъ же вы хотите, чтобы я теперь разстался съ вами? О нѣтъ, ваша свѣтлость, будьте милостивы, не гоните меня!

Старикъ упалъ на колѣни и, рыдая, цѣловалъ руки Меншикова.

Князь былъ глубоко тронутъ.

— Встань, сказалъ онъ ему:—встань, Симоновъ! благодарю тебя за привязанность... Ничѣмъ не могу отплатить тебѣ за нее кромѣ своей дружбы, но Господь вознаградитъ тебя!

Съ этими словами князь пожалъ руку вѣрному слугѣ. Одна изъ княженъ, по приказанію княгини, подала ему чашку чаю.

Добрый старикъ краснѣлъ отъ радости и смущенія.

Нѣсколько минутъ спустя, изгнанники отправились опять въ путь.

Дорога была пустынная, дикая, однообразная.

Меншиковъ опять погрузился въ преж-

нюю грустную задумчивость; жена и дѣти его также стали думать о прошедшей блистательной и предстоящей ужасной жизни.

Дорога становилась все затруднительнѣе, не смотря на то, что путешественники ѣхали въ покойной, удобной каретѣ. Нѣсколько дней и нѣсколько ночей ѣхали они почти безъ отдыха, и, наконецъ, прибыли въ небольшой городокъ, гдѣ имъ позволили отдохнуть цѣлую ночь.

Но куда дѣвались всѣ прежнія удобства, которыми пользовалась семья знатнаго вельможи въ столицѣ? Тутъ не было ни пуховыхъ перинъ, ни мягкихъ подушекъ, ни шелковыхъ одѣялъ на ватѣ! Все было грубо, грязно, жестко, холодно!

Постель стараго Симонова была еще жестче и холоднѣе, потому что онъ спалъ на полу, подложивъ подъ голову тулупъ; но онъ спалъ кротко и спокойно—совѣсть его была чиста, скорбь объ утраченномъ счастіи не терзала его.

Меншиковъ не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь. Какіе жестокіе упреки дѣлалъ онъ себѣ за то, что ввергнулъ все свое семейство въ такое несчастіе!..

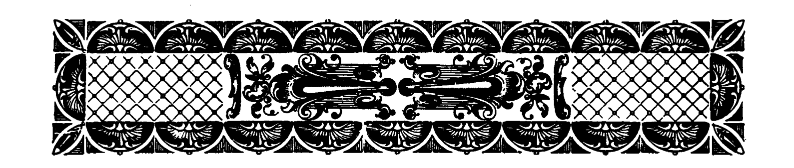
Княгиня также мало спала. Она была очень блѣдна на другое утро; и съ трудомъ передвигала ноги: лихорадочная дрожь пробѣгала по всѣмъ членамъ ея. Прежде, бывало, при малѣйшей головной боли являлся домашній докторъ, теперь одинъ Симоновъ приготовилъ ей теплаго чаю и досталъ простого вина, которымъ услужливая крестьянка вытерла все тѣло больной.

Съ нѣжною заботливостью ухаживали дѣти за матерью. Болѣе и болѣе грустилъ князь при видѣ страданій своей жены!..

Они опять отправились въ путь и, наконецъ, приблизились къ границамъ Азіи.

Предъ ними лежала обширная, но пустынная Сибирь... Такъ рѣдко встрѣчалось жилье въ безконечныхъ, страшныхъ пустыняхъ... и далеко, далеко еще до Березова, города, лежащаго у рѣки Оби, въ Тобольской губерніи, куда былъ сосланъ князь...

ГЛАВА XX.

Новыя страданія.

Изгнанники остановились въ городѣ на границѣ Европы и Азіи.

Княгиня страдала. Князь грустилъ все болѣе и болѣе.

Дочерей Меншикова трудно было узнать. Волосы ихъ были въ безпорядкѣ; руки замараны; платье измято, изорвано. Привыкнувъ съ малолѣтства къ услугамъ многихъ горничныхъ, онѣ не знали, какъ взяться за дѣло, чтобы поправить страшный безпорядокъ своей одежды.

Но эта забота оказалась излишнею.

Едва прибыли онѣ въ пограничный городъ, какъ къ нимъ вошелъ чиновникъ, человѣкъ суровый и жестокій.

— Эй, вы! закричалъ онъ грубымъ голо-

сомъ:—долой ваши питерскіе наряды! въ Сибири вамъ будетъ холодно въ нихъ; извольте-ка нарядиться въ платье ссыльныхъ. Вотъ тебѣ, князь, продолжалъ онъ, взявъ у слѣдовавшаго за нимъ солдата армякъ изъ самаго грубаго сукна:—этихъ локтей не скоро протрешь! Вотъ тебѣ, матушка! вотъ вамъ, красавицы! а вотъ и тебѣ, молодецъ!.. Платье это, правда, маленько грубовато, да за то прочно; ввѣкъ не износишь!

Меншиковъ взялъ молча армякъ и отвернулся, чтобы скрыть слезы, выступившія на его глазахъ.

Княгиня ушла съ дочерьми въ другую комнату и полчаса спустя воротилась оттуда.

Нельзя было безъ содроганія смотрѣть на несчастныхъ. Грубые овчинные тулупы уродовали красивыя тальи княженъ; въ теплыхъ, но безобразныхъ сапогахъ исчезали маленькія ножки; изъ длинныхъ, широкихъ рукавовъ выглядывали кончики нѣжныхъ ручекъ ихъ. И чѣмъ благороднѣе были лица изгнанниковъ, чѣмъ приличнѣе движенія ихъ, тѣмъ грубѣе казался этотъ нарядъ!..

— Пристало ли мнѣ новое платье, другъ

мой? спросила бѣдная страдалица, стараясь улыбнуться.

— Какъ мы рады, что намъ дали это платье: Оно такъ тепло, спокойно и удобно; вскричали княжны съ притворною веселостью.

Но эти слова поразили Меншикова въ самое сердца.

Еслибъ жена и дѣти осыпали его упреками, назвали его виновникомъ ихъ несчастія, такъ онъ снесъ бы это терпѣливѣе, нежели незаслуженную кротость и доброту ихъ...

Когда княгиня, рожденная въ счастіи и довольствѣ, и вслѣдъ за нею дѣти, бывшія нѣкогда красою знатной петербургской молодежи, явились передъ нимъ въ грубой одеждѣ ссылочныхъ, когда онъ увидалъ на блѣдномъ лицѣ своей жены улыбку умирающей, о! тогда онъ не могъ болѣе скрывать своей горести, своихъ страданій! Подобно бурному потоку, вылились они наружу!..

Онъ упалъ на колѣни передъ своею женою, несчастною страдалицею; хотѣлъ говорить, но рыданія прервали голосъ его.

При такомъ сильномъ выраженіи горести князя, княгиня и дѣти ея зарыдали.

Въ углу стоялъ старый Симоновъ и кулакомъ утиралъ крупныя слезы, упорно выступавшія на глазахъ его.

— Горе, горе, горе мнѣ! восклицалъ Меншиковъ жалобнымъ голосомъ: — своимъ неограниченнымъ честолюбіемъ, ненасытнымъ корыстолюбіемъ я погубилъ васъ, всю добродѣтель которыхъ теперь только познаю!.. Я дѣтоубійца!.. О Боже, Боже! къ Тебѣ взываю! Накажи меня, грѣшнаго, но помилуй и пощади невинныхъ!..

— Успокойся, другъ мой, говорила княгиня.—Мы раздѣлимъ пополамъ бремя, возложенное на насъ, и тяжесть его будетъ менѣе ощутительна. Обратимъ взоры ко Всевышнему, тамъ ждетъ насъ иная, лучшая жизнь... тамъ разъ навсегда будетъ намъ указано принадлежащее намъ мѣсто, не такъ какъ здѣсь, гдѣ мы сегодня князья, завтра нищіе!.. Я чувствую, продолжала она съ небеснымъ спокойствіемъ, что путь скоро будетъ конченъ, и душа моя просится къ настоящей отчизнѣ нашей, гдѣ мы не будемъ знать горя...

Взоръ ея благоговѣйно поднялся къ небу, и по страдальческому выраженію лица ма-

тери дѣти поняли съ горестью, что она говорила правду; внутренно рѣшились они заботиться о больной матери съ удвоенною любовью и преданностью.

Два раза уже грубый голосъ напомнилъ изгнанникамъ, что пора отправляться въ дальнѣйшій путь; но, вполнѣ предавшись своей горести, они ничего не слышали. Симоновъ воспользовался первой минутой молчанія и, обратившись къ Меншикову, сказалъ:

— Простите мнѣ, ваша свѣтлость, но...

При этихъ словахъ „ваша свѣтлость" князь вздрогнулъ, какъ бы пробудившись отъ сна.

— Кого называешь ты свѣтлостью, несчастный! вскричалъ онъ:—здѣсь нѣтъ ни князя, ни княгини!.. Здѣсь одна семья несчастныхъ изгнанниковъ!.. Ты теперь выше насъ!.. Ты можешь идти, куда тебѣ вздумается, а мы плѣнные, ссылочные!..

Замѣтивъ огорченный видъ старика, Меншиковъ сжалился надъ нимъ, и, протянувъ къ нему руку, продолжалъ:

— Добрый Симоновъ! Называй меня братомъ, другомъ! Своею непоколебимою вѣрностью ты пріобрѣлъ это названіе...

Въ это самое время кто-то постучался въ

низкое, запыленное окно, и снаружи послышался грубый голосъ:

— Долго ли вы будете еще переливать изъ пустого въ порожнее! Ступайте добромъ, пока васъ не прогнали!

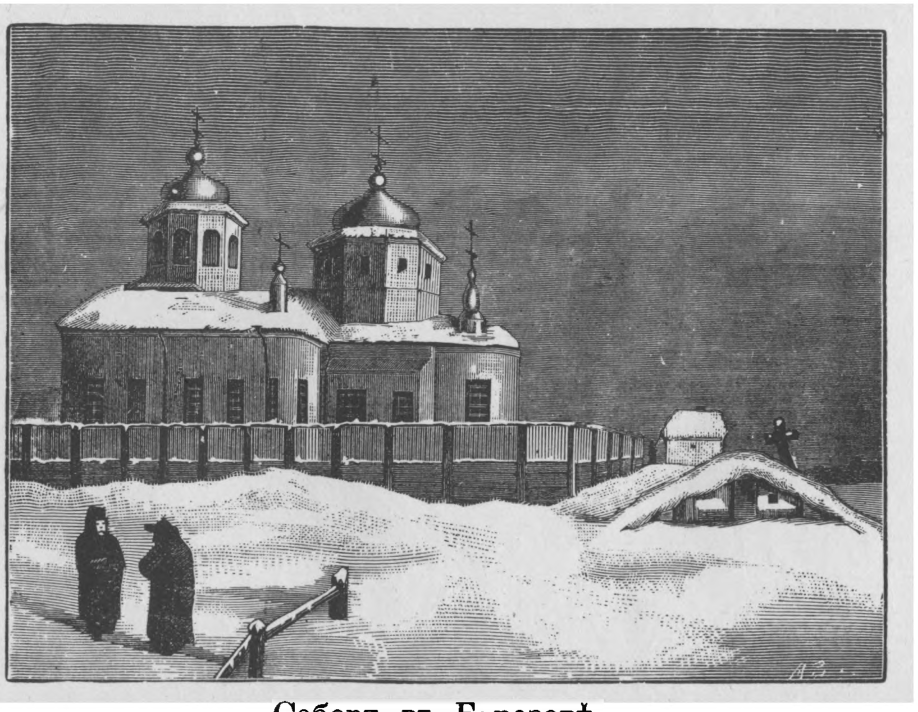
Поспѣшно стали собираться изгнанники къ отъѣзду.

Изумленными взорами стали они искать свою карету, когда вышли на крыльцо. Вмѣсто нея, передъ домомъ стояли четыре рогожей крытыя кибитки. Спереди онѣ были открыты; вмѣсто подушекъ въ нихъ лежали кули съ сѣномъ; ничто не защищало въ нихъ отъ рѣзкаго вѣтра и суроваго холода.

Меншиковъ стоялъ, какъ громомъ пораженный.

— Какъ! вскричалъ онъ: въ этихъ кибиткахъ мы должны ѣхать?.. Неужели и больная жена моя...

— А чѣмъ не хороши эти кибитки? спросилъ, смѣясь, жестокій чиновникъ.—Коли не нравятся, такъ самъ виноватъ! Зачѣмъ ты, князь, прежде не придумалъ болѣе удобныхъ экипажей для множества несчастныхъ, которыхъ ты самъ ссылалъ въ Сибирь?

Соборъ въ Березовѣ.

Слова эти, какъ острый ножъ поразили Меншикова въ самое сердце.

Господь справедливъ! Скольких несчастныхъ осуждалъ Меншиковъ однимъ взмахомъ пера на вѣчное изгнаніе, не внимая мольбамъ женъ и дѣтей ихъ! И въ такомъ же платьѣ, въ такихъ же кибиткахъ эти несчастные отправлялись въ далекую Сибирь!.. Теперь пришла его очередь.

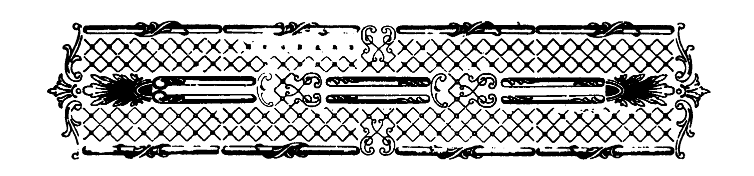
— Господь справедливъ! проговорилъ Меншиковъ, вздохнувъ и пожавъ руку жены, какъ бы прося у нея прощенія.

Сердце его обливалось кровью, когда онъ усаживалъ больную, слабую жену свою въ кибитку, стараясь дать ей сколь возможно удобное мѣсто.

Симоновъ снялъ свой тулупъ и закуталъ имъ ноги княгини. Съ признательностью пожалъ ему Меншиковъ руку за эту услугу.

Скоро помчались лошади по безконечнымъ сибирскимъ пустынямъ... жалобно скрипѣли по затвердѣлому отъ сильнаго мороза снѣгу...

ГЛАВА XXI.

Сѣверное сіяніе.

Кибитки остановились. Надобно было покормить лошадей.

— Какъ ты себя чувствуешь? спросилъ Меншиковъ, обратившись къ женѣ, съ которою сидѣлъ въ одной кибиткѣ.

— Хорошо... отвѣчала она едва слышнымъ голосомъ.

— Не хочешь ли ты выпить чего-нибудь теплаго?

— Нѣтъ, благодарю.

— Не хочешь ли выдти согрѣться?

— Нѣтъ, мнѣ и такъ хорошо... Я плотно закуталась.

— Дай мнѣ пожать хоть руку твою, моя добрая жена.

Княгиня съ трудомъ высвободила руку изъ-подъ тулупа.

Я не могу снять рукавицы, сказала она жалобнымъ голосомъ,

— И не снимай! вскричалъ Меншиковъ, нѣжно схвативъ протянутую къ нему руку.— Боже мой! продолжалъ онъ: — рука твоя твердая какъ камень...

И съ невыразимымъ ужасомъ Меншиковъ взглянулъ въ лицо княгини. Оно было покрыто смертною блѣдностью.

— Ты вся дрожишь...

— Нѣтъ... тебѣ такъ кажется... не безпокойся... отвѣчала княгиня, стараясь улыбнуться.

Тщетно старался Меншиковъ согрѣть руку жены на своей груди.

Лошади отдохнули и были накормлены. Кибитки опять помчались въ даль.

Наступила ночь. Рѣзкій пронзительный вѣтеръ гулялъ на просторѣ на открытыхъ равнинахъ и дулъ путешественникамъ въ лицо. Мелкій снѣгъ какъ булавками кололъ щеки. Ноги несчастныхъ сдѣлались совершенно безчувственными отъ холода, кровь стыла въ жилахъ; при малѣйшемъ движеніи лихорадочная дрожь трясла все тѣло...

Князь, затвердѣлый въ походахъ и пу-

тешествіяхъ съ Великимъ Петромъ, страдалъ невыразимо; каковы же были страданія изнѣженной княгини!

Ночной мракъ разсѣялся. Изъ-за сѣраго тумана поднялось солнце... Лучи его освѣтили красноватымъ заревомъ снѣгъ, но не грѣли...

Снѣгомъ, выпавшимъ за ночь, занесло дорогу. Чтобы не сбиться съ нея, ямщики, должны были ѣхать тихо.

И подобно погребальному поѣзду тянулись медленно по необозримой снѣжной полянѣ четыре кибитки...

Изгнанники молчали... Казалось, холодъ оковалъ языки ихъ.

При каждой остановкѣ дѣти окружали сани, въ которыхъ сидѣла мать, и съ заботливостью разспрашивали ее о здоровьѣ. Со вчерашняго дня она ничего не ѣла и не пила. Иногда она погружалась въ безчувственность, и тогда вполнѣ походила на покойницу...

Наступила вторая ночь.

Вдругъ взорамъ путешественниковъ представилось грозно величественное зрѣлище.

Подобно зареву, появилось на горизонтѣ

красноватое сіяніе. Мало-по-малу оно распространялось и принимало яркій, огненный свѣтъ, отъ котораго по разнымъ направленіямъ разлились по темносинему своду небесъ мало-по-малу сливавшіеся съ нимъ лучи... И безконечныя снѣжныя равнины облились краснымъ свѣтомъ... И все было тихо въ природѣ... все смолкло, какъ-бы дивясь чудному зрѣлищу...

Взоры изгнанниковъ съ изумленіемъ были обращены на горизонтъ. Симоновъ набожно крестился.

Княгиня скоро приподнялась. Отраженіе сѣвернаго сіянія бросало красный свѣтъ на блѣдное лицо ея. Но глаза ея какъ-бы угасли. Съ невыразимою боязнію смотрѣлъ на нее князь.

Но вотъ мало-по-малу свѣтъ началъ блѣднѣть... гаснуть... и вдругъ наступилъ прежній мракъ.

Кратковременнымъ дивнымъ сіяніемъ Господь хотѣлъ какъ-бы напомнить несчастнымъ изгнанникамъ о Своей вездѣсущности и, отвративъ помышленія ихъ отъ всего мірского, обратить ихъ къ Своему престолу...

Мракъ сгущался болѣе и болѣе... вдали

раздался устрашительный вой волковъ... испуганныя лошади заржали и, закусивъ удила, быстро помчались...

— Александръ, Александръ, проговорила княгиня едва слышнымъ голосомъ: что это?.. Видѣлъ ли ты Творца неба и земли, во славѣ возсѣдающаго на престолѣ Своемъ?.. Онъ звалъ меня къ Себѣ... Но гдѣ ты? Я не вижу тебя!..

— Я здѣсь, другъ мой, возлѣ тебя, съ безпокойствомъ отвѣчалъ Меншиковъ.

— Отчего я не вижу тебя? продолжала княгиня, дрожа всѣмъ тѣломъ и съ выраженіемъ боязни въ голосѣ.

— Успокойся, другъ мой, произнесъ Меншиковъ умоляющимъ голосомъ:—успокойся!

— Но отчего же я не вижу ни тебя, никого, никого! вскричала несчастная страдалица съ отчаяніемъ.

— Сильный свѣтъ на время ослѣпилъ твои глаза, отвѣчалъ князь:—но, ради Бога, умоляю тебя, успокойся! Позволь мнѣ закутать тебя.

Молча повиновалась княгиня, добровольная изгнанница, послѣдовавшая за своимъ мужемъ.

— Далеко ли еще до Тобольска? спросилъ Меншиковъ ямщика.

— Къ утру доѣдемъ! отвѣчалъ тотъ.

— Такъ, ради Бога, поспѣши!

Трудно описать горесть и страданія несчастной семьи!.. Тщетно осматривался Меншиковъ съ отчаяніемъ, какъ бы ища пристанища для бѣдной больной жены... Куда ни обращалъ онъ глаза, омоченные слезами, вездѣ встрѣчалъ однѣ плоскія равнины, нигдѣ не видно было хижины... подобно погребальному савану простиралась вдаль до безконечности снѣжная степь, сливаясь на горизонтѣ съ синевою неба.

ГЛАВА XXII.

Слѣпая.

Солнце встало. Лошади мчались скоро. Княгиня сидѣла неподвижно, въ безчувственномъ состояніи. Вдали виднѣлся уже Тобольскъ.

Нынче этотъ городъ уже довольно великъ и въ немъ много жителей, но тогда онъ походилъ болѣе на деревню; не смотря на то, Меншиковъ обрадовался ему, какъ обѣтованной землѣ.

Едва кибитки достигли первыхъ домовъ, какъ князь кликнулъ Симонова и приказалъ ему найти теплое и удобное пристанище для больной.

Симоновъ бѣгомъ отправился исполнить приказаніе своего господина.

Голосъ мужа вывелъ княгиню изъ без-

чувственнаго положенія; она скоро подняла голову и вдругъ страшно вскрикнула.

Дѣти окружили кибитку.

— Что съ тобою? спросилъ князь.

— Александръ, гдѣ ты? Дѣти мои, гдѣ вы? произнесла княгиня съ отчаяніемъ: дайте мнѣ ваши руки, о, Боже, Боже, за что Ты наказываешь меня такъ строго!..

— Матушка, милая матушка! Что съ вами? вскричали дѣти въ одинъ голосъ.

— Что со мною?.. Я лишилась зрѣнія! Я не вижу васъ!..

Общій крикъ ужаса и отчаянія раздался вокругъ кибитки несчастной страдалицы, ослѣпнувшей отъ слезъ!..

Между тѣмъ пріѣздъ кибитокъ возбудилъ вниманіе жителей отдаленнаго города, въ которомъ малѣйшее, самое незначительное происшествіе казалось важнымъ событіемъ, толпа народа окружила изгнанниковъ.

Пока князь и дѣти его съ отчаяніемъ оплакивали новое бѣдствіе, Симоновъ отыскалъ имъ квартиру. Извѣстіе о новомъ несчастіи, постигшемъ изгнанниковъ, сильно поразило несчастнаго старика, но онъ одинъ не терялъ присутствія духа.

Онъ распоряжался всѣмъ, и съ помощью его Меншиковъ и молодой князь взяли слѣпую на руки и понесли ее къ дому, въ которомъ Симоновъ отыскалъ квартиру. Рыдая, послѣдовали за ними княжны.

Вдругъ изъ толпы любопытныхъ зрителей вышелъ человѣкъ, также въ одеждѣ ссылочныхъ, дерзко посмотрѣлъ князю въ лицо и громко захохоталъ.

— Ага! закричалъ онъ злобно: —добро пожаловать, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ! Милости просимъ! И ты пожаловалъ къ намъ въ гости! Наконецъ-то ты дождался достойнаго возмездія за свои жестокости!.. Полюбуйся же участью людей, несчастія которыхъ ты виновникомъ!.. По дѣламъ вору и мука! И вы здѣсь, барышни! Добро пожаловать, милости просимъ къ намъ въ гости!

И съ этими словами извергъ плюнулъ въ лицо одной изъ несчастныхъ дочерей князя.

При этомъ отвратительномъ поступкѣ злодѣя, Меншиковъ задрожалъ отъ бѣшенства и чуть не выпустилъ изъ рукъ больной жены. Онъ готовъ былъ растерзать изверга, но руки его были связаны, ибо онъ несъ бѣдную страдалицу.

Отчаяннымъ, пронзительнымъ голосомъ закричалъ онъ:

— Остановись, злодѣй!.. На мнѣ... на мнѣ вымещай свою злобу и ненависть!.. но не оскорбляй невинныхъ!..

И слезы ручьями потекли по впалымъ щекамъ его.

Пораженные глубокою горестью несчастнаго отца, прочіе зрители не безъ труда удалили озлобленнаго изверга.

Княгиню перенесли въ теплую комнату. Она лежала неподвижно. Призванный врачъ объявилъ, что она находится въ величайшей опасности. Онъ приказалъ тереть окоченѣлые члены ея уксусомъ и обложилъ ее со всѣхъ сторонъ нагрѣтыми, почти раскаленными каменьями, завернутыми въ полотенца.

Долго всѣ старанія его были тщетны; но къ вечеру легкій, едва замѣтный румянецъ, первый признакъ возвращающейся жизни, появился на щекахъ княгини. На всемъ тѣлѣ ея выступила сильная испарина. Съ возрастающею надеждою слѣдили за этими успокоительными признаками Меншиковъ и дѣти его.

— Слава Богу! сказалъ князь вошедшему

доктору: наступилъ благодѣтельный кризисъ...

Недовѣрчиво качая головой, пошелъ врачъ къ постели больной; внимательно посмотрѣлъ онъ ей въ лицо, приложилъ руку къ сердцу ея, и долго прислушивался къ біенію пульса.

Всѣ взоры были обращены на доктора; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали отъ него подтвержденія радостныхъ надеждъ.

— Нѣтъ! сказалъ наконецъ врачъ:—это не благодѣтельный кризисъ. Испарина эта—однимъ словомъ—ни что иное, какъ вѣрный признакъ скоро приближающейся смерти!..

Этотъ неожиданный приговоръ превратилъ внезапно радость изгнанниковъ въ величайшую горесть.

Заглушая свои рыданія, закрылъ Меншиковъ обѣими руками лицо и упалъ на колѣни подлѣ умирающей...

Внезапное движеніе княгини заставило его скоро поднять голову...

— Мой Александръ! мой супругъ! произнесла она тихимъ голосомъ, протянувъ къ мужу руку.

Меншиковъ задрожалъ, когда коснулся ледянисто-холодной руки жены.

— Дѣти! произнесла еще болѣе слабымъ голосомъ умирающая.

Рыдая, припали дѣти къ рукѣ возлюбленной матери. Они хотѣли еще разъ поцѣловать ее, еще разъ услышать пожатія ея.

Ангельская улыбка украсила блѣдное лицо княгини, она хотѣла еще что-то сказать... Съ усиліемъ старалась она извлечь звуки изъ груди, но смерть остановила ихъ на полпути... они замерли, не достигнувъ до блѣдныхъ устъ ея, и неумолимая смерть пресѣкла жизнь бѣдной страдалицы!..

Предчувствіе ея сбылось. Душа ея переселилась въ тотъ міръ, гдѣ праведникамъ уготованы однѣ радости.

Съ тихимъ плачемъ, какъ бы страшась нарушить покой усопшей, бросились дѣти на холодный трупъ.

Но ни одна облегчительная слезинка не омочила глазъ Меншикова.

Онъ всталъ и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Господи! Ты справедливъ... Ты сжалился надъ страданіями несчастной жертвы и призвалъ ее къ Себѣ, для того, чтобы еще строже наказать меня... Покоряюсь святой волѣ Твоей...

. . . .

Только мужъ, дѣти и вѣрный слуга слѣдовали за простымъ гробомъ княгини Меншиковой, знатности и богатству которой нѣкогда завидовали знатнѣйшіе вельможи.

Гробъ опустили въ яму... глухо застучала мерзлая земля о крышку... Яма засыпана... и все кончилось... Одной прекрасной душой стало менѣе на Божьемъ мірѣ...

Простой необтесанный камень закрылъ могилу. Искреннія слезы и усердныя молитвы родныхъ освятили этотъ камень и дали ему одинаковое значеніе съ великолѣпнѣйшими памятниками въ мірѣ.

ГЛАВА XXIII

Послѣднее пристанище.

Въ глубокую зиму изгнанники достигли до города Березова.

Уединенно, безжизненно лежали низкія, деревянныя избы на обширной равнинѣ. Изрѣдка показывался человѣкъ, закутанный въ тулупъ.

Строго приняло мѣстное начальство князя и семью его. Имъ отвели деревянную избу, въ которой всего было двѣ горницы. Въ одной большую часть мѣста занимала огромная русская печь. Вокругъ, у голыхъ бревенчатыхъ стѣнъ стояли скамьи, составлявшія, вмѣстѣ съ простымъ деревяннымъ столомъ, всю меблировку.

Не было даже необходимѣйшей посуды, какъ-то: кастрюль, тарелокъ, блюдъ, горшковъ и т. п.

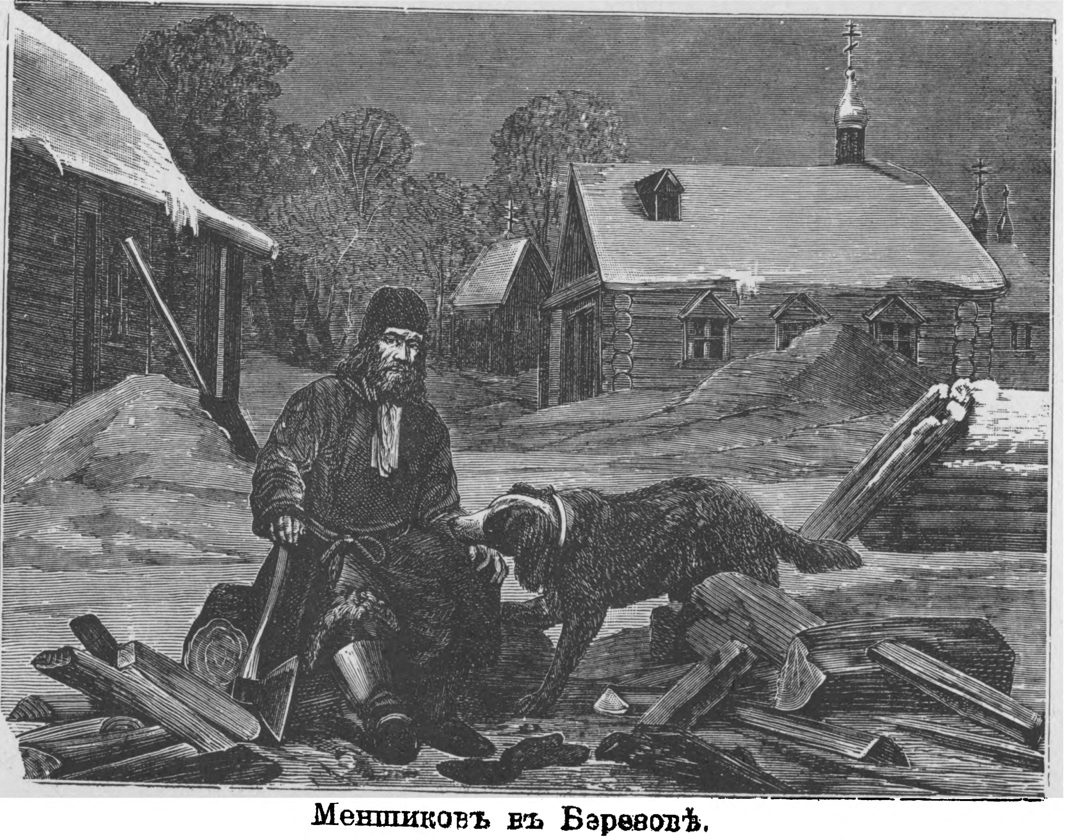
Правда, князь получалъ ежедневно десятъ рублей содержанія; но на что были ему деньги, въ такой странѣ, гдѣ ничего нельзя было купить, гдѣ не было даже булочника! Каждая семья запасалась осенью мукою и сама пекла себѣ зимою хлѣбъ.

Только простое пѣнное вино, сушеную и мороженую рыбу и оленье мясо можно было доставать за деньги. Изрѣдка появлялись, правда, странствующіе жиды-торгаши, но они брали за всякую бездѣлицу страшныя цѣны.

Въ Березовѣ болѣе нежели прежде изгнанники были осчастливлены преданностью Симонова.

Онъ вставалъ ранѣе всѣхъ, топилъ печь и готовилъ чай, которымъ нашелъ средство запастись въ довольно большомъ количествѣ. Послѣ чая онъ, вмѣстѣ съ молодымъ княземъ, отправлялся на охоту. Княжны между тѣмъ убирали горницы и садились шить грубую одежду или чинили старое и ношеное платье.

Меншиковъ же сидѣлъ неподвижно на скамьѣ, мрачно вперивъ взоръ въ досчатый полъ. Иногда горькія слезы выступали на

Меншиковъ въ Березовѣ.

глазахъ его, когда онъ вспоминалъ объ утраченномъ счастіи, о страданіяхъ доброй жены...

Послѣ полудня возвращались молодой князь и Симоновъ. Они приносили убитыхъ ими на охотѣ лисицъ, соболей, горностаевъ или купленную рыбу.

Радостно встрѣчали ихъ княжны; молодой князь разсказывалъ о чудесахъ природы, о дикомъ мѣстоположеніи, о страшныхъ звѣряхъ, о которыхъ ни сёстры его, ни онъ не имѣли никакого понятія.

Только старикъ-отецъ не вмѣшивался въ разговоръ. Молча, съ послушаніемъ ребенка, садился онъ за столъ, ѣлъ мало и безпрестанно задумывался.

Послѣ обѣда, по желанію отца, молодыя княжны уходили съ братомъ гулять. Онѣ возвращались нарумяненныя морозомъ, входили въ избу и всегда заставали отца на колѣняхъ передъ образомъ. Усердныя молитвы возсылалъ онъ ко Всёвышнему, моля о прощеніи своихъ прегрѣшеній.

Постоянное уныніе Меншикова имѣло пагубное вліяніе на здоровье его. Тщетно старались дѣти разсѣять и обратить мысли его на другой предметъ.

— Батюшка, говорилъ иногда сынъ его въ долгіе зимніе вечера:—разскажи намъ что нибудь о своихъ походахъ съ Великимъ Петромъ.

— Сынъ мой, отвѣчалъ Меншиковъ:—зачѣмъ вспоминать о суетѣ мірской?.. Зачѣмъ растравлять старыя раны?.. Что̀ было, то прошло и уже не воротится... Къ одному долженъ я обратить теперь всѣ свои помышленія, а именно къ Богу!..

Старый изгнанникъ съ удовольствіемъ говорилъ только о смерти, о будущей жизни и о радостномъ свиданіи въ лучшемъ, вѣчномъ мірѣ...

Такимъ образомъ прошла зима со своими туманными днями, долгими ночами, сѣверными сіяніями и другими чудными явленіями. Выше, ярче свѣтило солнце на голубомъ небѣ; теплый вѣтерокъ согналъ иней съ деревъ; растаялъ снѣгъ подъ солнечными лучами; весело выглядывала прошлогодняя травка изъ-подъ снѣга...

Еще теплѣе грѣло солнышко; земля покрылась бархатистой травой; темные сучья опушились бурыми почками; почки распустились и окутали деревья нѣжными зелеными листьями...

Съ шумомъ несли Обь, Иртышъ, Сосва разбитую ледяную кору въ далекое море.

Веселая дѣятельность и жизнь пробудились между жителями Березова. Радостно вышли они изъ дымныхъ избъ.

Самъ Меншиковъ не могъ противиться вліянію пробудившейся природы.

Въ одинъ теплый вечеръ онъ вышелъ съ дѣтьми на берега Оби.

Погода была прекрасная. Все ожило. Множество судовъ, барокъ и лодокъ, пользуясь, сколь возможно, кратковременнымъ лѣтомъ, плыло по синимъ волнамъ широкой рѣки. Радостно встрѣчали жители привозимыя жизненныя потребности. Скоро раскупались сплавленный лѣсъ и дрова, привозимые изъ лѣсистыхъ странъ имперіи. Съ громкимъ крикомъ неслись по воздуху стаи перелетныхъ птицъ; весело привѣтствуя весну, опускались они на траву и кустарники.

Послѣ мрачнаго уединенія, въ которомъ всю зиму находился Меншиковъ, это зрѣлище произвело на него сильное впечатлѣніе. Лицо его восторженно просіяло и, остановившись посреди площади города, на которой сосредоточилась вся дѣятельность, онъ пожалъ

руки дочерямъ, стоявшимъ по сторонамъ его, и вскричалъ:

— Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, я воздвигну храмъ Царю Царей!.. Сорокъ лѣтъ трудился я для достиженія суетныхъ благъ мірскихъ, но остатокъ дней моихъ я посвящу на воздвиженіе Всемилосердному слабаго памятника моей вѣры, моего раскаянія!.. Великій Петръ, мой незабвенный благодѣтель, самъ работалъ нѣкогда топоромъ и молотомъ; отчего же мнѣ, бѣдному изгнаннику, не взяться за топоръ, для того, чтобы воздвигнуть храмъ для прославленія имени Бога, Отца небеснаго!..

Дѣти Меншикова крайне обрадовались; они надѣялись, что это занятіе разгонитъ грустныя мысли отца и возвратитъ его къ жизни.

Съ ревностью принялся старый князь за дѣло. Лѣсъ былъ купленъ, и вскорѣ князья Меншиковы, отецъ и сынъ, съ топорами въ рукахъ, вмѣшались, какъ простые работники, въ толпу плотниковъ. Оживился мирный городъ. Всѣ жители наперерывъ другъ передъ другомъ старались содѣйствовать благому предпріятію знатнаго изгнанника.

Меншиковъ трудился неусыпно; скоро возвышалась посреди площади маленькая церковь; но она была только вполовину окончена, когда наступила зима... Еще большая грусть овладѣла княземъ послѣ дѣятельности, въ которой онъ провелъ лѣто.

Новый ударъ готовился ему... Онъ лишился одной изъ дочерей своихъ, Маріи, бывшей невѣсты Императора. Горесть отца не выразилась наружу; она вся упала на душу его; чѣмъ скрытнѣе, тѣмъ сильнѣе, убійственнѣе была его горесть.

Прошла зима, и къ половинѣ лѣта храмъ былъ готовъ. Едва замолкли въ воздухѣ стукъ топоровъ и крики работниковъ, какъ тихо, звучно пронесся по воздуху унылый звонъ маленькаго колокола.

Этотъ день былъ праздникомъ для жителей Березова. Ярко горѣли свѣчи въ новой церкви, благоговѣйно собирались православные, и впервые послышался голосъ священника и тихое пѣніе въ новомъ храмѣ, во славу Отца Всевышняго, Правителя всѣхъ міровъ...

Кончилась обѣдня. Толпа разступилась и между рядами ея прошелъ почтенный ста-

рецъ, согбенный не столько лѣтами, сколько горестями и страданіями. Онъ шелъ медленно; лицо его сіяло небеснымъ восторгомъ; слезы радости блистали на глазахъ.

За нимъ слѣдовала прекрасная парочка, сынъ и дочь его.

Наконецъ, шествіе заключалъ старый Симоновъ, вѣрный слуга семейства изгнанниковъ.

Казалось, цѣль жизни Меншикова была достигнута. Онъ примирился съ Богомъ, ближними и самимъ собою. Вся жизнь его была постоянная борьба, какъ бы уготовившая ему мирную, блаженную кончину. Онъ ни мало не горевалъ, чувствуя, какъ силы покидали его; съ благоговѣйною покорностью легъ на смертный одръ свой; безъ слезъ, безъ горести простился съ дѣтьми и вѣрнымъ слугой, въ полномъ упованіи на свиданіе въ лучшемъ мірѣ, и тихо, безъ страданій, съ улыбкой счастія на лицѣ, скончался.

. . . .

Скончался и Петръ II. Злокачественная оспа свела его въ могилу.

Вступила на престолъ племянница Петра I, Анна Іоанновна.

Долгорукіе, столько содѣйствовавшіе из-

гнанію Меншикова, сами были сосланы въ Сибирь, а сынъ и дочь Меншикова возвращены оттуда. Такова перемѣнчивость счастья!.. Не смотря на всѣ убѣжденія дѣтей Меншикова, старый Симоновъ не захотѣлъ послѣдовать за ними.

— Кто будетъ беречь могилу моего господина? говорилъ онъ.

Но не долго берегъ ее и Симоновъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда князя и княжны, онъ самъ легъ въ сырую землю, возлѣ знаменитаго изгнанника.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.